

**Хрестоматійні матеріали з навчальної дисципліни
«Спеціальні соціологічні теорії»
для студентів напряму підготовки 6.030101 «Соціологія»**

укладач: доцент кафедри філософії та соціології Кучера І. В.

Э. Ф. ВОУГЕЛ «СЕМЬЯ И РОДСТВО» // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы: пер. с англ. / Под ред. Т. Парсонса. - М., 1972. - С. 163-173.

Несмотря на всю изобретательность человека и на огромное разнообразие политических и экономических организаций, начиная от примитивнейшего племени и кончая сложнейшим социальным строем, практически в каждом обществе основная нуклеарная семья, состоящая из родителей и детей, выступала и выступает в качестве отчетливо выраженной социальной единицы. Даже в таких первобытных обществах, в которых люди не имеют понятия о биологическом вкладе мужчины в производство потомства, ребенок связан с отцом особыми социальными узами...

Чем же объяснить факт неизменного сохранения основной, нуклеарной семьи в каждом известном нам обществе? Некоторые исследователи видят в живучести семьи единственное средство ограничить тотальную конкуренцию среди мужчин, ведущих борьбу за женщин, и среди женщин, борющихся за мужчин. После того как отношения между конкретными взрослым мужчиной и взрослой женщиной обретают стабильность, их союз получает общественное признание. Символом этого общественного признания обычно становятся церемонии обручения или вступления в брак. Особая связь между матерью и ребенком вполне понятна; мать рождает свое дитя и вскармливает его. Зато гораздо труднее объяснить регулярный характер связи между отцом и ребенком. Одни утверждают, что регулярность, с которой возникает в разных обществах социальное положение отца, - явление производное; статус отца обусловлен особым характером его связи с женой, а уже та особым образом связана с ребенком. Другие подчеркивают значение экономической и эмоциональной поддержки родителя, а также его авторитета. Малиновский утверждает, что значение отцовства состоит во введении ребенка в более широкий социальный контекст. Как минимум именно отец предопределяет законный статус ребенка в глазах общества. Помимо того, первоначальный статус ребенка в какой-то мере определяется статусом самого отца. По сути дела, в обществах, имеющих установившуюся структуру статусов (в которых господствуют родственные или кастовые группировки), социальное положение отца принимается в качестве важнейшего фактора, определяющего статус его ребенка.

Само собой разумеется, форма идеальной и фактической семьи в разных обществах

бывает самой различной. Сплошь и рядом в конкретном обществе фактически существующие семейные единицы обнаруживают большое разнообразие в зависимости от принадлежности к тому или иному социальному классу, стадии жизненного цикла, профессии и прочих индивидуально-специфических факторов. Но как бы поразительно ни было разнообразие семейных форм, еще более поразительным является, пожалуй, тот факт, что некоторые важные черты структуры нуклеарной семьи носят почти универсальный характер. К их числу принадлежит запрет кровосмешения, запрет половой связи между членами семьи, за исключением мужа и жены. Для объяснения практически повсеместной распространенности запрета кровосмешения выдвигаются многочисленные доводы. Одни утверждают, что этот запрет обусловлен необходимостью сохранить отчетливо выраженные социальные роли и характер взаимоотношений между членами семьи. Другие указывают на важную роль, которую играет запрещение кровосмешения в деле установления связи между семьей и более широким обществом, и на значение брака по предпочтению для поддержания связей между определенными группами в обществе. Помимо того, что нуклеарные семьи повсеместно подвергают известному ограничению кровосмешения, практически во всех семьях мира наблюдается, как указывают Парсонс и Зельдич, внутреннее разделение семейных функций по степени власти, основывающееся на возрастных различиях и различиях в сексуальных ролях; мужчина берет на себя более инструментальную роль, а женщина - более экспрессивную. Некоторые отмечают, что женщина склонна проводить большую, чем мужчина, часть своего времени в семье, а мужчина - посвящать большую по сравнению с женщиной часть времени внесемейным делам; даже если оба супруга работают, то муж, как правило, теснее связан со своей работой и более предан ей, чем жена; в случае, когда один из супругов работает далеко от местожительства, больше шансов, что это будет муж, а не жена.

В настоящей главе я хочу сосредоточить внимание на одной конкретной проблеме - проблеме связи между семейной организацией и более широким социальным окружением. Вообще говоря, в обществах с прочной системой родства нуклеарная семья не выступает в качестве сравнительно обособленной и отчетливо выраженной единицы. Так, например, в обществе, где доминируют родственные связи по отцовской линии, материнские обязанности, могут быть разделены с сестрами отца. В обществе же, где преобладающим

является родство по материнской линии, родительская власть может быть разделена с братьями отца и матери.

Перейдя от изучения группировок, непосредственно связанных родством и совместным жительством, к рассмотрению связи между семьей и экономическими и политическими силами в более широкой общности, исследователь обнаружит, что экономические силы играют гораздо большую роль, чем политические, в определении преобладающих шаблонов семейной организации. Некоторые полагают, что существует прямое соответствие между семейными связями и политической системой. Макс Лернер, например, утверждает в своем большом труде об американской цивилизации, что демократическая политическая среда и более открытые и демократические типы семьи, вообще говоря, взаимно укрепляют друг друга. Он сравнивает это положение с ситуацией в Германии перед войной, где и семья и политический строй носили авторитарный характер. Пожалуй, чаще всего в поддержку точки зрения о наличии соответствия между типами семьи и политических организаций приводятся объяснения психологического порядка. В процессе социализации ребенка семья формирует в его сознании определенные установки, которые впоследствии находят отражение в том, как он участвует в политических институтах общества. Исследователи с психоаналитической ориентацией отмечают, что установки, первоначально вырабатываемые ребенком по отношению к родителям, впоследствии переносятся на лиц, напоминающих ему родителей, в более широком обществе...

Другие исследователи, занимающиеся изучением связей между семьей и политической организацией, подчеркивают значение ценностей приобретенных в семье, при определении политических ценностей; их аргументация, в сущности, такая же, как и у исследователей психологических факторов: ценности, приобретенные в семье, впоследствии найдут отражение в одной из политических ценностей.

В известных пределах можно найти подтверждение и тезису о том, что установки и ценности, приобретенные в семье, определяют собой впоследствии установки по отношению к власти.

Однако, на мой взгляд, связь семьи с системой государственного правления (проявляющаяся в сугубо политических вопросах) имеет меньшее значение, чем ее связь с

экономикой. Ведь правительство обычно действует в большом отрыве от семьи; государственные дела оказывают сравнительно незначительное воздействие на семейную организацию, а семейная организация - сравнительно малое воздействие на организацию политическую. Хотя, я и готов защищать эту точку зрения в качестве общего правила, однако подобный вывод нуждается в ряде уточнений. Во-первых, он предполагает, что общество достигло определенной степени стабильности. Если поддержание стабильности оказывается для государственной власти настолько трудным делом, что общество в целом приобретает неупорядоченный характер, то царящий в нем беспорядок, очевидно, скажется на семейной жизни и семейной организации. Далее, государственная власть, добивающаяся полной мобилизации в период, когда страна находится в критическом положении, требует от людей такого самопожертвования, которое затрагивает семейное поведение. Частые случаи раздельного жительства супругов в военное время (обусловленные участием в военной, контрразведывательной, оборонной и прочей деятельности) и ограничения, накладываемые на поездки, почтовую и телефонную связь, средства развлечения и так далее, явно оказывают воздействие на семейное поведение. Само собой разумеется, устанавливаемые государством определенные формы вступления в брачные отношения и их прекращения, законы о наследовании и прочие правовые нормы ставят семейные связи в определенные рамки, но подобные нормы, как правило, определяют общие закономерности и не определяют конкретных форм семейной организации.

... Для выявления перемен в организации и поведении семьи гораздо важнее изучить экономические факторы, которые оказывают значительно более прямое воздействие на семейную организацию. Не случайно, что в наиболее капитальном из предпринятых поныне исследований современной семейной организации в мировом масштабе автор, профессор Колумбийского университета Дж. Гуд, ищет причины изменений в организации семьи прежде всего в сдвигах, происходящих в экономической организации.

В своем труде «Всемирная революция и типы семьи» профессор Гуд собрал большое число данных, свидетельствующих о том, что некоторые основные типы семейной организации широко совместимы, как оказывается, с современным индустриальным и урбанистическим обществом. В этом своем исключительно тщательном исследовании проф. Гуд ясно показывает, что даже в сфере экономики не существует четкой и обязательной

причинной связи между той или иной экономической организацией и организацией семейной. Вместе с тем, за некоторыми незначительными и, возможно, временными исключениями, эволюция мира в сторону современного индустриального общества сопровождалась процессом относительного обособления нуклеарной семьи от более широких групп родственников.

Это вовсе не означает, что нуклеарная семья появляется лишь в качестве формы семьи, сопутствующей индустриальному обществу. Действительно, ту же самую форму, относительно обособленную нуклеарную семью, мы обычно встречаем и в обществах, занимающихся охотой и собиранием плодов. При ограниченности ресурсов дичи и съедобных плодов члены общества, живущего за счет охоты и собирательства, должны рассредоточиваться, чтобы получить максимум продуктов питания; как правило, единицей, на которые разбивается группа, является небольшая по размеру первичная семья. Но и в этом случае невозможно предсказать форму семьи только на основе данного экономического факта, потому что в условиях войны нуклеарные семьи в этих охотничьих и собирательских обществах обычно объединяются, образуя большие семьи.

Одной из форм семьи, обладающей значительной устойчивостью, хорошо приспособленной к сравнительно стабильным и упорядоченным аграрным обществам, является одноветвевая семья, - семейная форма, в которой совместно живут три поколения, причем в ее состав входит только один женатый сын, остальные дети после женитьбы покидают родной кров. Благодаря этой форме семьи семейное имение сохраняется в неприкосновенности, так как на принадлежащей семейству земле остается жить только один сын и земельная собственность не дробится на мелкие участки, владельцы которых едва сводят концы с концами или вообще не могут прокормить себя. В одноветвевой семье уже сам тот факт, что один сын наследует недвижимость, а другие - нет, порождает дальнейшие внутрисемейные социальные различия между наследником и его братьями и сестрами.

Однако из хорошей приспособленности одноветвевой семьи к стабильному аграрному обществу еще нельзя делать вывод, что в аграрных обществах не встречаются иные типы семейной организации. Другая разновидность семьи, «объединенная семья», в которой наследство делится между несколькими детьми, может оказаться вполне жизнеспособной там, где земля имеется в изобилии, а численность населения остается

примерно на одном уровне. Однако в периоды роста народонаселения, по мере того как семейные участки все больше дробятся при разделе между наследниками и мельчают по размеру, семья зачастую нищает, так что для обеспечения хотя бы прожиточного минимума становится необходимой та или иная форма перераспределения земли или миграция. В общем и целом одноветвевая семейная система обычно оказывается лучше приспособленной к стабильному или растущему аграрному обществу и в длительной перспективе имеет тенденцию сохраняться в этом экономическом укладе.

Аналогичным образом было продемонстрировано, что сравнительно обособленная нуклеарная семья является формой семьи, наилучшим образом приспособленной к современному индустриальному обществу. Проф. Гуд, который самым тщательным образом проанализировал имеющиеся данные, пришел к заключению, что распаду более крупных семейных единиц, существовавших до индустриализации, способствовал ряд факторов: 1) индустриальное общество требует физического передвижения лиц из одной местности в другую, и это обычно ограничивает частоту встреч между родственниками и уменьшает сердечность их отношений;

2) в индустриальном обществе имеются возможности для того, чтобы одни члены семьи заняли более высокое общественное положение, чем другие, что порождает различия в стиле жизни братьев и сестер, приводящие к натянутости отношений между ними и ослабляющие родственные связи; 3) развитие в урбанистических индустриальных обществах специализированных служб, предоставляющих гражданам физическую защиту, системы благотворительных фондов и ссуд ослабляют стремление искать опору в семье, что опять-таки снижает потребность в близких отношениях между родственниками; 4) индустриализация порождает новую систему ценностей, выдвигающую на первый план не знатность происхождения, а личные заслуги, в результате чего от человека ожидают, что он будет самостоятельно пробивать себе дорогу и не станет полагаться на родственников; 5) ввиду высокой степени специализации и роста крупных организаций статистически маловероятно, чтобы то или иное лицо имело возможность обеспечить работой своих родственников.

Из утверждения, что нуклеарная семья является преобладающей формой семьи в современном индустриальном обществе, никак не следует, что ее члены не общаются со

своими родственниками. Более того, как показал ряд недавно проведенных исследований, в наиболее индустриализированных странах сплошь и рядом отмечаются относительно частые контакты с родственниками, не входящими в нуклеарную семью. Наиболее крепкие узы между родственниками в современных индустриальных обществах наблюдаются, как правило, между женщинами, в особенности между матерью и дочерью. Если по причине войны или длительной командировки мужчина живет какие-то периоды времени в разлуке с семьей, его жена и дети нередко живут вместе с матерью жены. В Советском Союзе и некоторых других странах, где замужняя женщина обычно работает, значительная часть забот по уходу за детьми выпадает на долю бабушки, которая живет вместе с семьей.

Разумеется, готовность членов нуклеарной семьи продолжать совместную жизнь с родственниками отчасти зависит от наличия удобств, предоставляемых другими учреждениями. Если культурно-бытовое обслуживание не предоставляется семье ни правительством, ни по месту работы мужа, ни какими-либо другими общественными службами, люди могут оказаться вынужденными полагаться на помощь расширенной семьи - фактор, способствующий семейному сплочению.

Экономические условия не только оказывают значительное воздействие на степень отделения первичной семьи от более широкой сети родственников, но и во многом определяют собой отношения внутри семьи. Если, например, отцу не удастся найти хорошую работу, его авторитет и власть в семье оказываются в значительной степени подорванными. Продолжительная безработица, кроме того, сильно подрывает его собственное чувство уверенности по отношению к своей семье. Исследования наименее привилегированных групп в обществе, таких, например, как американские негры, принадлежащие к низшим классам, выявили отсутствие авторитета у отца в условиях длительной безработицы или малоодоходной занятости. И наоборот, если у замужних женщин и детей экономические возможности улучшаются, это тоже отражается на их внутрисемейном статусе, о чем свидетельствует быстрое исчезновение патриархальной власти в семьях некоторых важных групп иммигрантов в Соединенных Штатах. Условия занятости могут также оказывать влияние и на взаимоотношения мужа и жены. Когда национальные потребности в рабочей силе вынуждают супругов в течение длительных периодов жить раздельно, это не только ослабляет связь между ними, но и обуславливает

переход родительской власти к жене, которая, как правило, остается с детьми.

...Не подлежит сомнению, что экономика оказывает глубокое влияние на семейную организацию. Мы уже имеем достаточно данных, чтобы утверждать, что эта связь никоим образом не является односторонней. Выяснилось, например, что определенные виды семейных отношений в свою очередь способствуют экономическому развитию. Эта проблема еще мало изучена, но не подлежит сомнению, что в ближайшие годы социологи, специализирующиеся на изучении семьи, продвинулись вперед в своих исследованиях.

АЛМОНД Г., С. ВЕРБА Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / Г. Алмонд, С. Верба / пер. с англ. Е. Генделя. - Москва: Мысль, 2014. – С. 34-38

Парохиальная политическая культура. Когда частота ориентаций на те специализированные политические объекты четырех видов, которые указаны в табл. 1.2, приближается к нулю, мы можем говорить о данной политической культуре как о парохиальной. Политические культуры африканских родоплеменных обществ и автономных местных общин, о которых сообщал Коулман, попали бы именно в эту категорию. В таких обществах нет никаких специализированных политических ролей; обязанности предводителя племени, вождя клана, шамана — это размытые, или диффузные, политико-экономико-религиозные роли, и для членов таких обществ политические ориентации по отношению к этим ролям не отделены от религиозных и социальных ориентаций. Парохиальная ориентация подразумевает также относительное отсутствие ожиданий каких-либо перемен, инициированных политической системой. Парохиально настроенный индивид (парохиал) ничего не ждет от политической системы. Аналогично в централизованных африканских В русскоязычной научной литературе, так или иначе использующей идеи и подход Алмонда и Вербы, в данном контексте уже успел в значительной степени сложиться термин «патриархальная», хотя следует иметь в виду, что сами авторы используют совсем иной термин — *parochial*. Его основной перевод — «приходская», который, по-русски сущностно неприемлем как чисто церковный (в отличие от английского, где «приход» — это не только церковная, но еще и территориальная единица на уровне местного самоуправления). Однако и термин «патриархальная» неудачен,

поскольку в нем полностью отсутствует территориальная направленность — он относится не к месту, а к укладу. Именно поэтому в последние годы вместо термина «патриархальная» в этом контексте все шире применяется чистая калька — «парохиальная». Однако у английского прилагательного *parochial* есть и другие значения, абсолютно лишенные церковного оттенка: узкая, ограниченная, замкнутая; местническая, провинциальная. Именно последний термин и было бы целесообразно, по нашему мнению, использовать (тем более что в этом случае имеется весь спектр производных терминов, в том числе и те, которые широко используются в тексте настоящей книги: провинциал, провинциальность, а также провинция как территориальная единица и др.); однако в данный момент слишком уж укоренился термин «парохиальная», на котором мы и остановились.— племенных образованиях и королевствах, к которым обращается Коулман, преобладают парохиальные варианты политической культуры, хотя появление и развитие в этих обществах несколько более специализированных ролей может сигнализировать и о начальных этапах возникновения более дифференцированных политических ориентаций. Однако даже в достаточно крупномасштабных и дифференцированных политиях могут преобладать парохиальные культуры.

Но возникновение относительно чистой парохиальности более правдоподобно в достаточно простых, традиционных системах, где политическая специализация минимальна. В ощутимо дифференцированных политических системах парохиальность будет скорее эмоциональной и нормативной, нежели когнитивной. Иначе говоря, члены племен в отдаленных районах Нигерии или Ганы могут как-то смутно осознавать существование центрального политического режима. Но эмоциональное восприятие этого режима любым представителем такого племени носит неопределенный или негативный характер, и такой человек не интернализовал никаких норм, которые регулировали бы его отношения с этим режимом.

Подданническая политическая культура. Второй крупный тип политической культуры, присутствующий в табл. I.2, — это подданническая культура. Для нее характерна высокая частота ориентаций на дифференцированную политическую систему и на те аспекты системы, которые связаны с ее «выходом», но вероятности ориентаций конкретно на объекты на «входе» и на себя как активного участника близки к нулю. В такой системе

подданный осознает наличие специализированной правящей (в том числе правительственной) власти; он эмоционально ориентирован на нее и при этом, возможно, гордится ею или, быть может, относится к ней неприязненно; и он оценивает ее либо как легитимную, либо как нелегитимную. Но все его отношение — это отношение к системе в целом и к ее «выходу», к административной стороне политической системы или же к той стороне политической системы, которая представляет собой «нисходящий поток»; по существу, это пассивное отношение, хотя существует, как мы покажем ниже, и ограниченная форма компетентности, которая приемлема в подданнической культуре.

Снова мы говорим о чистой подданнической ориентации, существование которой правдоподобно в таком обществе, где не существует никакой дифференцированной структуры на «входе». В тех политических системах, где имеются развитые демократические институты, подданническая ориентация будет, скорее всего, эмоциональной и нормативной, а не когнитивной. Так, французскому роялисту хорошо известно о наличии демократических институтов, он просто не наделяет их легитимностью.

Участническая политическая культура. Третий крупный тип политической культуры, участническая культура, — это такая культура, в которой члены общества склонны отчетливо и явным образом ориентироваться на систему в целом, а также и на политические, и на административные структуры и процессы, другими словами на оба аспекта политической системы — как на «вход», так и на «выход». Ориентация индивидуальных членов участнической политики на различные классы политических объектов может быть благожелательной или неблагожелательной. Сами они склонны быть ориентированными на «активистскую» роль в существующей политике, хотя их чувства по отношению к такой роли и ее оценки могут, как мы покажем ниже, варьироваться от притяжения и одобрения до полного отторжения.

Такая трехчленная классификация политических культур не предполагает, что одна из ориентаций вытесняет все остальные. Подданническая культура не устраняет диффузно размытых ориентаций на первичные и глубинные, «интимные» структуры общины. К диффузным ориентациям на клановые и родовые группы, на религиозное сообщество и на деревню она добавляет специализированную подданническую ориентацию на правительственные и любые властные институты. Аналогично участническая культура не

вытесняет подданнические и parroхиальные модели ориентации. Участническая культура — это дополнительный слой, который может быть добавлен к подданнической и parroхиальной культурам и сочетаться с ними. Таким образом, гражданин в участнической политике не только ориентирован на активное участие в политической жизни, но еще и подчинен закону и властям, являясь как бы их подданным, а также состоит членом разных других диффузно размытых первичных групп.

Безусловно, добавление участнических ориентаций к подданническим и parroхиальным не оставляет эти «более ранние» ориентации неизменными. Parroхиальные ориентации вынуждены адаптироваться, когда на сцене появляются новые, более специализированные ориентации, — точно так же, как с обретением участнических ориентаций и parroхиальная, и подданническая ориентации изменяются. Фактически к числу самых существенных различий в политических культурах пяти демократий, включенных в наше исследование, относится именно то, в какой степени и каким способом parroхиальные, подданнические и участнические ориентации комбинируются, сплавляются или сцепляются между собой в головах у тех, кто принадлежит к данной политике.

Необходимо еще одно предостережение. Наша классификация не подразумевает однородности или единообразия политических культур. Так, политические системы с преобладанием участнических культур будут — даже в предельном случае — включать в себя и подданных, и parroхиалов. Ведь такие вещи, как изъяны процессов политической социализации, личные предпочтения, недостаточное интеллектуальное развитие или ограниченные возможности образования всегда будут порождать лиц подданнического и parroхиального склада — даже в сложившихся, хорошо зарекомендовавших себя и стабильных демократиях. Аналогично parroхиалы продолжают свое существование даже в условиях «высоко» подданнических культур.

Таким образом, существуют два аспекта культурной разнородности, или, иначе говоря, культурной «смеси».

Обобщенный «гражданин» представляет собой специфическую смесь участнических, подданнических и parroхиальных ориентаций, а гражданская культура — это специфическая смесь граждан, подданных и parroхиалов. Для описания гражданина нам необходимы такие понятия, как количественные доли, пороговые значения и

конгруэнтность (или гармонизация), чтобы оперировать с теми разнообразными способами, какими его персональная конфигурация участнических, подданных и парохияльных установок соотносится с результирующим качеством поведения. Для гражданской культуры, которую мы ниже подвергнем подробному рассмотрению, нам нужны те же самые понятия количественных долей, пороговых значений и гармонизации, чтобы справиться со следующей проблемой: какая «смесь» граждан, подданных и парохиялов соотносится с эффективным качеством функционирования демократических систем.

3. ФРЕЙД О КУЛЬТУРЕ¹ // Мир философии: Книга для чтения. 4.2. Человек. Общество. Культура. - М., 1991. - С. 285-300.

...Термин «культура обозначает всю сумму достижений и институций, отличающих нашу жизнь от жизни наших предков из животного мира и служащих двум целям: защите человека от природы и урегулированию отношений между людьми. Для лучшего понимания рассмотрим подробно характерные черты культуры, какими они себя проявляют в человеческих коллективах...

В качестве отнюдь не маловажной характерной черты культуры мы должны принять во внимание способ, каким регулируются отношения людей между собой, т. е. социальные отношения, касающиеся человека как соседа, как вспомогательной рабочей силы, как чьего-нибудь сексуального объекта, как члена семьи или государства. В этой сфере будет особенно трудно отрешиться от определенных идеальных требований и выделить то, что относится к культуре, как таковой. Быть может, следовало бы начать с утверждения, что фактор культуры появляется с первой же попытки установить эти социальные взаимоотношения. Если бы не было такой попытки, эти взаимоотношения подчинились бы своеволию каждой отдельной личности, т. е. устанавливались бы в зависимости от физической силы этой личности и согласно ее интересам и влечениям. Положение не менялось бы от того, что эта сильная личность наталкивалась бы в свою очередь на личность еще более сильную. Совместная человеческая жизнь становится возможной только тогда, когда образуется некое большинство, более сильное, чем каждый в отдельности, и стойкое в своем противопоставлении каждому в отдельности. Власть такого коллектива противостоит тогда,

¹ Название фрагмента дано составителями хрестоматии

как «право», власти отдельного человека, которая осуждается как «грубая сила». Эта замена власти отдельного человека властью коллектива и есть решительный шаг на пути культуры. Сущность этого шага заключается в том, что члены коллектива ограничивают себя в своих возможностях удовлетворения, в то время как отдельный человек не признает этих рамок. Первое требование культуры заключается, следовательно, в требовании справедливости, т. е. гарантии того, что раз установленный правовой порядок не будет вновь нарушен в чью-либо индивидуальную пользу. Но этим еще не решается вопрос об этической ценности такого права. Дальнейшее культурное развитие как будто бы направлено на то, чтобы такого рода право не стало волеизъявлением небольшого коллектива - касты, прослойки населения, племени, - правом коллектива, который по отношению к другим, может быть даже более многочисленным массам, не занял бы позицию, подобную индивидуального насильника. Конечным результатом должно явиться право, в создании которого участвовали бы все (по меньшей мере все способные к общественному объединению), пожертвовавшие своим инстинктом; право (с тем же ограничением), которое не позволяет никому стать жертвой грубой силы.

Индивидуальная свобода не есть достижение культуры. Она была максимальной еще до всякой культуры, правда, тогда она не имела большой цены, так как единичный человек едва ли был в состоянии ее защитить. Развитие культуры налагает ограничения на эту свободу, а справедливость требует, чтобы от этих ограничений никому нельзя было уклониться. То, что в человеческом обществе проявляется как жажда свободы, может быть направлено на борьбу с существующей несправедливостью и в этом смысле быть благоприятным для дальнейшего развития культуры. Но это же может брать свое начало в недрах первобытной, неукрошенной культурой личности и тогда быть враждебным самим основам культуры. Жажда свободы, таким образом, или направлена против отдельных форм и притязаний культуры, или - вообще против культуры. Едва ли какое-либо воздействие может позволить преобразовать природу человека в природу термита, он, вероятно, всегда будет защищать, вопреки воле масс, свое притязание на индивидуальную свободу. Значительная часть борьбы человечества концентрируется вокруг одной задачи - найти целесообразное, т.е. счастливое, равновесие между индивидуальными требованиями и культурными требованиями масс; одна из роковых проблем человечества заключается в том, достижимо ли это равновесие при

помощи определенной организации человечества или этот конфликт останется непримиримым.

...Если в деле покорения природы человечество шло путем постоянного прогресса и вправе ожидать еще большего в будущем, то трудно констатировать аналогичный прогресс в деле упорядочения человеческих взаимоотношений, и, наверное, во все эпохи, как опять же и теперь, многие люди задавались вопросом, заслуживает ли вообще защиты эта часть приобретений культуры. Хочется думать, что должно же быть возможным какое-то переупорядочение человеческого общества, после которого иссякнут источники неудовлетворенности культурой, культура откажется от принуждения и от подавления влечений, так что люди без тягот душевного раздора смогут отдаться добыванию благ и наслаждению ими. Это был бы золотой век, спрашивается только, достижимо ли подобное состояние. Похоже, скорее, что всякая культура вынуждена строиться на принуждении и запрете влечений; неизвестно еще даже, будет ли после отмены принуждения большинство человеческих индивидов готово поддерживать ту интенсивность труда, которая необходима для получения прироста жизненных благ. Надо, по-моему, считаться с тем фактом, что у всех людей имеют место деструктивные, то есть антиобщественные и антикультурные, тенденции и что у большого числа лиц они достаточно сильны, чтобы определить собою их поведение в человеческом обществе.

Этому психологическому факту принадлежит определяющее значение при оценке человеческой культуры. Если вначале еще можно было думать, что главное в ней - это покорение природы ради получения жизненных благ и что грозящие ей опасности устранимы целесообразным распределением благ среди людей, то теперь центр тяжести переместился, по-видимому, с материального на душевное. Решающим оказывается, удастся ли и насколько удастся уменьшить тяжесть налагаемой на людей обязанности жертвовать своими влечениями, примирить их с неизбежным минимумом такой жертвы и чем-то ее компенсировать. Как нельзя обойтись без принуждения к культурной работе, так же нельзя обойтись и без господства меньшинства над массами, потому что массы косны и недалекновидны, они не любят отказываться от влечений, не слушают аргументов в пользу неизбежности такого отказа, и индивидуальные представители массы поощряют друг в друге вседозволенность и распущенность. Лишь благодаря влиянию образцовых индивидов,

признаваемых ими в качестве своих вождей, они дают склонить себя к напряженному труду и самоотречению, от чего зависит существование культуры. Все это хорошо, если вождями становятся личности с незаурядным пониманием жизненной необходимости, сумевшие добиться господства над собственными влечениями. Но для них существует опасность, что, не желая утрачивать своего влияния, они начнут уступать массе больше, чем та им, и потому представляется необходимым, чтобы они были независимым от массы как распорядители средств власти. Короче говоря, люди обладают двумя распространенными свойствами, ответственными за то, что институты культуры могут поддерживаться лишь известной мерой насилия, а именно люди, во-первых, не имеют спонтанной любви к труду и, во-вторых, доводы разума бессильны против их страстей.

Я знаю, что можно возразить против этих соображений. Мне скажут, что обрисованные здесь черты человеческой массы, призванные доказать неизбежность принуждения для культурной деятельности, сами лишь следствие ущербности культурных институтов, по вине которых люди стали злыми, мстительными, замкнутыми. Новые поколения, воспитанные с любовью и приученные высоко ценить мысль, заблаговременно приобщенные к благодеяниям культуры, по-иному и отнесутся к ней, увидят в ней свое интимнейшее достояние, добровольно принесут ей жертвы, трудясь и отказываясь от удовлетворения своих влечений необходимым для ее поддержания образом. Они смогут обойтись без принуждения и будут мало чем отличаться от своих вождей. А если ни одна культура до сих пор не располагала человеческими массами такого качества, то причина здесь в том, что ни одной культуре пока еще не удавалось создать порядок, при котором человек формировался бы в нужном направлении, причем с самого детства.

Можно сомневаться, мыслимо ли вообще или по крайней мере сейчас, при современном состоянии овладения природой, достичь подобной реорганизации культуры; можно спросить, где взять достаточное число компетентных, надежных и бескорыстных вождей, призванных выступить в качестве воспитателей будущих поколений; можно испугаться чудовищных размеров принуждения, которое неизбежно потребует для проведения этих намерений в жизнь. Невозможно оспаривать величие этого плана, его значимость для будущего человеческой культуры. Он, несомненно, покоится на понимании того психологического обстоятельства, что человек наделен многообразнейшими задатками

влечений, которым ранние детские переживания придают окончательную направленность. Пределы человеческой воспитанности ставят, однако, границы действенности подобного преобразования культуры. Можно только гадать, погасит ли и в какой мере иная культурная среда оба вышеназванных свойства человеческих масс, так сильно затрудняющих руководство обществом. Соответствующий эксперимент еще не осуществлен. По всей вероятности, определенный процент человечества - из-за болезненных задатков или чрезмерной силы влечений - навсегда останется асоциальным, но если бы удалось сегодняшнее враждебное культуре большинство превратить в меньшинство, то было бы достигнуто очень многое, пожалуй, даже все, чего можно достичь...

Мера интериоризации предписаний культуры - популярно и ненаучно выражаясь, нравственный уровень ее участников,- не единственное духовное благо, которое надо принимать в расчет при оценке культуры. У нее есть и другое богатство - идеалы и творения искусства, то есть виды удовлетворения, доставляемые теми и другими.

Мы слишком склонны причислять идеалы той или иной культуры - то есть ее оценку того, что следует считать высшим и наиболее престижным достижением - к ее психологическому достоянию. При первом приближении кажется, будто этими идеалами определяются успехи культуры; реальная зависимость может быть, однако, иной: идеалы формируются после первых успехов, которым способствует взаимодействие внутренних задатков с внешними обстоятельствами, и эти первые успехи фиксируются в идеале, зовущем к их повторению. Удовлетворение, которое идеал дарит участникам культуры, имеет тем самым нарциссическую природу, оно покоится на гордости от уже достигнутых успехов. Для своей полноты оно требует сравнения с другими культурами, ринувшимися к другим достижениям и сформировавшим другие идеалы. В силу таких различий каждая культура присваивает себе право презирать другие. Таким путем культурные идеалы становятся поводом к размежеванию и вражде между различными культурными регионами, что всего отчетливее наблюдаются между нациями.

Нарциссическое самодовольство собственным идеалом тоже относится к тем силам, которые успешно противодействуют внутри данного культурного региона разрушительным настроениям. Не только привилегированные классы, наслаждающиеся благоденствиями своей культуры, но и угнетенные могут приобщаться к этому удовлетворению, поскольку даруемое

идеалом право презирать чужаков вознаграждает их за униженность в своем собственном обществе. Пусть я жалкий, задавленный долгами и воинской повинностью плебей, но зато я римлянин, имею свою долю в общей задаче покорять другие народы и предписывать им законы. Такая идентификация угнетенных с классом своих правителей и эксплуататоров есть опять же лишь частичка более широкой картины. С другой стороны, угнетаемые могут быть аффективно привязаны к угнетателям, видеть в своих господах, вопреки всей враждебности, воплощение собственных идеалов. Не сложись между ними таких, в сущности, взаимно удовлетворяющих отношений, оставалось бы непонятным, почему столь многие культуры, несмотря на оправданную враждебность к ним больших человеческих масс, продержались столь долгое время.

Другого рода удовлетворение доставляет представителям того или иного культурного региона искусство, правда, как правило, не доступное массам, занятым изнурительным трудом и не получившим индивидуального воспитания. Искусство, как мы давно уже убедились, дает эрзац удовлетворения, компенсирующий древнейшие, до сих пор глубочайшим образом переживаемые культурные запреты, и тем самым как ничто другое примиряет с принесенными им жертвами. Кроме того, художественные создания, давая повод к совместному переживанию высоко ценимых ощущений, вызывают чувства идентификации, в которых так остро нуждается всякий культурный круг; служат они также и нарциссическому удовлетворению, когда изображают достижения данной культуры, впечатляющим образом напоминая о ее идеалах...

**И. ХЕЙЗИНГА ОСНОВНЫЕ УСЛОВИЯ КУЛЬТУРЫ // И. Хейзинга
Nomo Ludens. В тени завтрашнего дня: пер. с нидерл. / Общ. ред. и послесл. Г. М.
Тавризян. - М.; 1992. -С. 258-264.**

...Слово «культура», как оно всеми употребляется, вряд ли может быть чревато каким-либо недоразумением. Всем приблизительно известно, что хотят этим словом сказать. Однако выясняется, что очень трудно определить его значение в точности. Что это такое - культура, в чём она состоит? Почти невозможно дать такую дефиницию, которая бы целиком исчерпала всё содержание этого понятия. С другой стороны, нетрудно перечислить важнейшие условия и черты, которые должны наличествовать для формирования феномена,

именуемого культурой.

В первую очередь, культура требует известного равновесия духовных и материальных ценностей. Это равновесие создает предпосылки для развития такого состояния общества, которое оценивается всеми как нечто большее и высшее, чем простое удовлетворение голой нужды или откровенного властолюбия. Выражение «духовные ценности» охватывает здесь области духовного, интеллектуального, морального и эстетического. Чтобы понятие культуры было тут применимо, между всеми названными нематериальными сферами тоже должно существовать некое равновесие или гармония. Говоря об определенном равновесии, а не об абсолютной высоте, мы тем самым сохраняем за собой право оценивать в качестве культуры также и ранние, более неразвитые либо примитивные стадии, не впадая таким образом в одностороннее предпочтение высокоразвитых культур или в одностороннюю переоценку отдельно взятого культурного фактора, будь то религия, искусство, право, государственный строй или нечто другое. Состояние равновесия заключается прежде всего в том, что различные сферы культурной деятельности реализуют, каждая в отдельности, но все в рамках целокупности, возможно более эффективную жизненную функцию. Если есть такая гармония культурных функций, то она неизбежно проявится в порядке, мощном сочленении частей, стиле, ритмической жизни данного общества.

Само собой понятно, что при исторической оценке культур субъекту суждения столь же трудно отвлечься от общепринятых норм, как и при оценке собственного окружения. Всегда одно качество будет рассматриваться как желательное, другое - как нежелательное. Следует при этом заметить, что общая оценка культуры как высокой или низкой определяется, по-видимому, в глубине своей не интеллектуальным и не эстетическим мериллом, а этическим и духовным. Культура может называться высокой, если даже она не создала техники или скульптуры, но ее так не назовут, если ей не хватает милосердия.

Вторая основная черта культуры следующая: всякая культура содержит некое стремление. Культура есть направленность, и направлена культура всегда на какой-то идеал, а именно на идеал, выходящий за рамки индивидуального, на идеал сообщества. Идеал может быть самого разного рода. Он может быть чисто духовным - блаженство, близость к Богу, отрешение от всех земных уз либо знание - логическое или мистическое: знание естественной

природы, знание своего «я» и духа, знание божественной природы. Идеал может быть общественным: честь, благородство, почёт, власть, - но все это всегда - по отношению к обществу. Он может быть экономическим: богатство, благоденствие - либо гигиеническим: здоровье. Для носителей культуры идеал всегда означает «благо». «Благо сообщества, благо здесь или где-то, теперь или потом».

Имеется ли в виду потусторонняя жизнь или ближайшее земное будущее, мудрость или благосостояние, условием для стремления к этому идеалу или для его достижения всегда служит безопасность и порядок. Требование порядка и безопасности повелительно предписывается всякой культуре самой её сущностью, её свойством быть тенденцией, стремлением к чему-либо, направленностью на что-то. Из требования порядка вырастает всё, что относится к власти, из потребности в безопасности - всё, что относится к праву. В сотнях разновидностей политических и правовых систем формируются все новые и новые группы людей, чьё стремление к благу выражает себя в культуре.

Конкретнее и позитивнее, чем обе вышеназванные основные черты культуры - ее равновесие и направленность, - представляется третья её черта - собственно говоря, первая исконная особенность, отличающая всякую настоящую культуру. Культура означает господство над природой. Культура зачинается в ту самую минуту, когда человек узнает, что его рука, вооружась грубым каменным долотом, способна делать вещи, ранее человеку недоступные. Он подчинил себе на благо частицу природы. Он господствует над природой, враждебной и дарующей. Он овладел орудием труда, он стал *homo faber*. Он использует эти силы для удовлетворения той или иной жизненной потребности, для изготовления, например, инструмента, для защиты себя и своих ближних, для умерщвления охотничьей добычи, хищного зверя или врага. Отныне он меняет ход природной жизни, ибо все последствия, которые повлекло за собой открытое им орудие, без этой силы просто бы не наступили.

Если бы эта черта - господство над природой - была единственным условием существования культуры, то не было бы оснований отказывать в культуре муравьям, пчелам, птицам, бобрам. Ведь все они используют предметы природы себе на потребу, превращая их в нечто другое. Дело зоопсихологии разобраться, насколько в этой деятельности уже присутствует представление о цели, стремление к благу. Если так оно и есть, то признание культуры за животным миром всё же будет наталкиваться на вполне определенную

логическую реакцию, а именно, что термин «культура» здесь неуместен. Культурная пчела или культурный бобр - это не годится, в таком представлении есть что-то абсурдное. Дух не так легко вынести за скобки, как некоторым кажется.

В самом деле, если господствовать над природой значит строить, стрелять, жарить, то это ещё только половина дела. Богатое слово «природа», «*natura*», означает также и природу человека, человеческую натуру, и ею тоже надо овладеть. Уже на простейших, начальных стадиях общества человек осознает за собой некий долг. У животного, которое кормит и защищает своего детеныша, в этой функции ещё нельзя предполагать подобное сознание, хотя животное и трогает нам душу, выполняя эту свою функцию. Только в человеческом сознании функция заботы о потомстве превращается в обязанность, в долг. Этот долг объясняется лишь в малой степени естественными отношениями, такими, как материнство и защита семьи. Долженствование распространяется уже на ранней стадии в форме табу, условностей, правил поведения, культовых представлений...

Если теперь подытожить, что здесь было выдвинуто в качестве общих основных условий и основных черт культуры, то более приближенное описание понятия культуры, которое, как уже говорилось, не претендует на достоинства точной дефиниции, могло бы выглядеть следующим образом. Культура как направленная позиция общества дана тогда, когда подчинение природы в области материальной, моральной и духовной поддерживает такое состояние общества, которое выше и лучше обеспечиваемого наличными природными отношениями, отличается гармоническим равновесием духовных и материальных ценностей и характеризуется определенным идеалом, гомогенным в своей сущности, на который ориентированы различные формы деятельности общества.... Культура предполагает освоение природы, господство над природой. Эта предпосылка, судя по всему, действительно реализована, притом в таких масштабах, которых доселе не знала ни одна из нам известных цивилизаций. Силы, о самом существовании которых вряд ли даже подозревали в прошлом столетии, чья природа и возможности были совершенно неведомы, запряженные теперь в ярмо человеческой волей, тысячью способов простирают свое могущество в такие дали и в такие глубины, о которых предшествующее поколение и не мечтало. И поныне чуть ли не каждый день продолжается открытие неизведанных сил природы и средств овладения ими...

Но как обстоит дело с овладением человеческой природой? Не говорите здесь о

триумфах психиатрии и социального обеспечения или борьбе с преступностью. Овладение *человеческой природой может* значить лишь одно: человечество, которое владеет собой, лично каждый индивидуум. Владеет ли собой современное человечество? Или хотя бы, поскольку совершенство ему не дано, достигает ли человечество этого пропорционально своему безгранично возросшему господству над материальной природой? Отважился бы кто-нибудь утверждать подобное! Не кажется ли нам скорее, что человеческая натура, пользуясь свободой, которую принесло ей господство над материальным миром, отказывается подчинить себе себя самое и отвергает все те завоевания духа, что казались ей превосходящими природу? От имени прав человеческой природы всюду ставится под сомнение обязывающий авторитет универсального нравственного закона. Такое предварительное условие культуры, как подчинение природы, господство над природой, выполнено лишь наполовину.

Ещё ничего не сделано для выполнения второго условия существования культуры, а именно что культура должна быть пронизана одним гомогенным, в главном, стремлением. Жажда блага, движущая каждым сообществом и каждым отдельным человеком, принимает сотни форм. Каждая группа стремится к своему собственному благу, без того, чтобы эти частные, групповые стремления к благу сливались в единый, превосходящий всё и вся идеал. Но лишь наличие подобного всеобщего идеала, будь то достижимый либо иллюзорный идеал, может способствовать полному раскрытию понятия «современная культура»; хотя в последнюю и можно вкладывать самый широкий смысл. Так, прошлые эпохи выставляли в качестве общепризнанного идеала славу божью, как бы она ни толковалась: добродетель, справедливость, мудрость. Туманные и устаревшие метафизические понятия, говорит нам дух времени. Но с упразднением таких понятий попадает под сомнение само единство культуры. Ибо то, что заняло её место, есть всего лишь совокупность взаимопротиворечащих желаний. Термины, связующие воедино все современные культурные устремления, можно найти только в ряду «благоденствие, могущество, безопасность» (мир и порядок тоже входят в этот ряд) - все эти идеалы больше годятся, чтобы разделять, а не объединять, и все непосредственно вытекают из природного инстинкта, не облагороженного духом. Эти идеалы были знакомы уже пещерным людям.

В настоящее время много говорят о национальных культурах и классовых культурах,

інакше гаворя, падчыняюць паняцце культуры ідеалу благоденства, магуштва і безапаснасці. Такай субардынацыяй паняцце культуры фактычна пераводзіцца на жывотны ўзровень, дзе оно тэрае свой смясл. Паступаючы такім абразам, забываюць о парадоксальным, но на основе всего вышесказанного неопровержимом заключении, что для понятия культуры лишь там есть место, где определяющий её направленность идеал выходит за пределы и поднимается выше интересов сообщества, которое этот идеал провозглашает. Культура должна быть метафизически ориентированной, либо её нет вообще...

Гідденс Е. Соціологія / Пер. з англ. наук. редактор перекладу О. Іващенко. – К., 1999. – С. 364-365.

У большасці з нас праця забирае більшу частину життя, ніж будь-яка інша діяльність. Часто ми асоціюємо поняття праці з нудними обов'язками – переліком завдань, котрі ми хотіли б звести до мінімуму або взагалі знехтувати. Можливо, приступивши до читання цього розділу, ви думаєте так само! Якщо до своєї праці так ставиться більшість людей, то чому? Спробуймо знайти відповідь на це питання.

Робота означає щось більше, ніж просто марудні обов'язки, інакше люди, втративши її, не почувалися б такими покинутими та розгубленими. Як би ви почувалися, знаючи, що ніколи не знайдете роботу? У сучасному суспільстві мати роботу означає зберегти самоповагу. Навіть там, де умови праці доволі неприємні, а поставлені завдання нудні, робота виявляється конструктивним елементом психологічного стану та щоденної діяльності людей. Доречно навести кілька характеристик праці.

Гроші. Зарплатня є головним ресурсом, від якого залежать люди, задовольняючи свої потреби. Без такого доходу стурбованість про завтрашній день, як правило, зростає.

Рівень активності. Робота часто уможлиблює набуття і вдосконалення навичок та вмінь. Навіть рутинна праця створює структуроване середовище, в якому поглинається енергія особи. Без цього можливості вдосконалювати такі

вміння та навички може й не бути.

Різноманітність. Праця уможливорює доступ до середовища, що контрастує з домашнім оточенням. У робочій атмосфері індивіди, виконуючи навіть доволі марудні обов'язки, можуть бути раді діяльності, відмінній від домашньої щоденної роботи.

Часова структура. Для людей, зайнятих на регулярній роботі, день переважно організований згідно з ритмом праці. Хоча іноді це може пригнічувати, але все-таки дає відчуття спрямованості в повсякденній діяльності. Непрацюючі особи часто називають своєю головною проблемою нудьгу і поступово втрачають відчуття часу...

Соціальні контакти. Трудове середовище часто породжує дружбу й можливість участі у спільній діяльності з іншими особами. Коло друзів та знайомих, при відриві від робочого оточення, найімовірніше, зменшуватиметься.

Персональна ідентичність. Праця переважно цінується за надання відчуття стабільної соціальної ідентичності. Зокрема, особливо для чоловіків самоповага часто пов'язана з економічним внеском до сімейного бюджету.

На фоні цього довжелезного списку неважко зрозуміти, чому втрата роботи може зашкодити впевненості людей у своїй соціальній значущості.

Соціологія молоді. Різноманітні підходи до Визначення поняття «молодь».

Молодь – соціально-демографічна група, яка виділяється на основі сукупності вікових характеристик, особливостей соціального положення і обумовлених тими чи іншими соціально-психологічними якостями.

I. Кон «Психологія юнацького віку: Проблеми формування особистості»

Молодь – класово-диференційована та соціально-демографічна група суспільства, яка охоплює молодих людей віком від 16 до 30 років, їх положення і роль в суспільстві, функції та види діяльності, а також ціннісні орієнтації, світогляд, і потреби і соціально-психологічні якості, обумовлені характером соціально-політичного устрою, суспільними відношеннями, історичною ситуацією.

С. Іконнікова «Молодь: Соціологічний та соціально-психологічний аналіз»

Формою інтеграції молодого покоління в суспільне життя є його самовизначення. Іншими словами, суспільство надає молодій людині можливість самій визначити своє життя і вирішити свої основні життєві проблеми. ..Свобода вибору життєвого шляху обмежується досягнутим рівнем суспільного розвитку. Тому, для нового покоління в цілому вона відносна, так як, займаючи місце попередніх поколінь, молодь включається в суспільні відношення через існуючі в суспільстві інститути і структури.

М.Тітма «Молоде покоління»

Розробили «теорію молодіжного руху», заклали концептуальне тлумачення молоді, як об'єкта і суб'єкта політики.

Загально-соціологічна теорія молоді. Молодь є соціальною групою культурного характеру; сутність і джерело особливостей молоді, як елемента соціальної структури - не в віці, характері даної групи, як соціалізаційної (одночасно об'єкта і суб'єкта соціалізації).

Теорія соціалізації молоді. Молодь як культурна група певного покоління має всі атрибути великих соціальних груп, але не має статусу, який характерний основним соціальним групам суспільства; її специфічність як соціальної групи - в соціальній неоднорідності, стадії підготовки, а значить неповній готовності до суспільної практики, побутовій несаможиттєвості.

Теорія соціальної суб'єктності молоді. В центрі концепції лежить проблема соціальних потреб молоді і суспільних умов їх реалізації, в рамках цього питання визначається і суть молодіжного руху, як виразника і представника потреб молоді, організатора її групової практики .

Теорія молодіжного руху. Молодь, яка розуміється як здатність до самореалізації в результаті власної активності (відомої, раціональної, самодіяльної); суб'єктність молоді вдвічі вторинна по відношенню до основних суб'єктів

суспільного життя і по відношенню до політичного руху, перш за все до політичних партій цих класів.

М Карват, В. Мілянський

Динамічні суспільства, які прагнуть до нових стартових можливостей, незалежно від пануючих в них соціальної чи політичної філософії, опираються головним чином на співробітництво з молоддю. Вони організують і використовують свої життєві ресурси, порушуючи установлений хід соціального розвитку. Соціальне покоління може тільки передбачити характер майбутніх змін, творчу уяву цих поколінь можна використовувати для формування нової політики, а новим життям буде жити тільки молоде покоління. Воно буде впроваджувати в життя ті цінності, які старше покоління визначає лише теоретично.

Особлива функція молоді полягає в тому, що вона – «оживляючий посередник, свого роду резерв, який виступає на передній план», коли таке оживлення стає необхідним для пристосування до швидкозмінних чи якісно нових обставин.

Один із елементів поза духу авантюризму, яким молодь наділена в більшій мірі, являється той факт, що вона ще не повністю включена в status quo соціального порядку. Молодь ні прогресивна, ні консервативна за своєю природою, вона - потенція, яка готова до будь-якого початку.

На мові соціології бути молодим означає стояти на краю суспільства, бути в багатьох відношеннях аутсайдером.

Молодь - це та суспільна сила, яка може здійснити різні починання, тому що вона не сприймає установлений порядок як щось дане і не наділена закріпленими законами та інтересами ні економічного, ні духовного характеру. Метою національної молодіжної політики повинно бути: сприяння впливу на всю систему освіти молоді та підготовки цілого покоління до виконання абсолютно нових завдань, тобто організувати всю молодь нації і направити її потенціальні можливості на вирішення проблем суспільства

К. Мангейм «Діагноз нашого часу»

Молодь представляє собою перехідний етап від соціальної ролі дитини до соціальної ролі дорослого, із чого і витікає її «нормативна і несаможиттєвість». Між мікрогрупою (сім'єю) і макрогрупою (суспільством) лежить велика відстань, яку і приходиться долати молодій людині. Подолання породжує почуття невпевненості в собі, конфлікти та інші проблеми молоді. Нейтралізм, скепсис у відношенні до ідеології, орієнтація на успіх характерні молоді всіх індустріальних країн.

Г. Шельські «Скептичне покоління»

Соціологія молоді повинна оновлювати теоретичні орієнтири... Соціологія повинна вивчати розходження між умовами, які надаються молоді суспільством, і викликами політичних, економічних і соціальних ситуацій. Молодь - з точки зору соціології - є не тільки соціальна спільність, але і стадія життєвого циклу. Проблеми цієї стадії змінюються на основі нових соціальних поєднань. Бажання свободи збільшується, але процес набуття освіти стає більш тривалим, разом з тим зберігається і залежність. Молодь (як поняття) вказує, з одного боку, фазу в індивідуальній біографії; з другого - частину суспільства, виділення якої залежить від декількох критеріїв віку.

Нижча межа молодіжного віку визначається в сучасних дослідженнях «календарно нечітко» - початком статевого дозрівання. Віднесення до молоді може виникати, коли ще відсутні біологічні передумови але воно базується на емпірично накопичених відносинах, гіпотетично виступаючих як важливі диференційовані зміни, які визначаються, з одного боку приблизно окресленою різницею у віці, а з другого – ще не повними правами і недостатністю соціально-економічної позиції.

Така дефініція статусу молоді передбачає, що потрібно уточнити межу молоді «зверху», через виділення понять «молодий», «молодий дорослий»; «молодий дорослий» вже досяг певних соціальних позицій, які «молодому» ще недосяжні. Але і для «молодого дорослого» певні узаконені статуси не досить доступні чи не можуть в певній мірі бути реалізовані

Л. Розенмайр

Статус - Роль молоді – «це вираження певної конкретно-історичної позиції і соціальних відносин молоді, яке визначається її відношенням до класів і соціальних груп, позицій і відносин, які відносяться перш за все до ведучого способу діяльності молодих людей, й способу життя». Статус - Роль являє собою інтегральну модель молоді. Її перевага в тому, що «Статус - Роль виражає позицію і відношення одного соціально-історичного колективного суб'єкта (в нашому випадку - молоді) до інших суб'єктів і суспільства в цілому».

Позитивом концепції є чітке бачення специфіки молоді як особливої соціальної групи, яка наділена властивостями, що не зводяться до суми характеристик індивідів.

Ф. Манер «Введення в ювенологію»

«Молодь - це цінність особливого роду, це головна цінність суспільства, це поняття не тільки демографічне, але також економічне, соціальне, політичне. Такий підхід до оцінки молоді, ставка на молодь в сучасному, на майбутні покоління здатні породити політику суспільства і держави, яка працює на управління процесами, на випередження подій, на профілактику явищ, на прискорення розвитку взаємин політики уповільненої реакції на вже розвинені протиріччя і проблеми».

«Молодь - це об'єктивне суспільне явище, яке виступає завжди, як велика специфічна вікова підгрупа. Молодь-частина суспільства. Ключем для пізнання природи молоді є діалектика цілого і частини. Специфічні і обумовлені віком проблеми молоді».

«В будь-якому суспільстві молодь тісно пов'язана з ідеєю залежності.»

«В будь-якому суспільстві більша частина молоді ще не включена в процес виробництва і тому виключена із процесу розподілу продуктів цього виробництва, живе «в кредит»...»

«В будь-якому суспільстві більшість молодих людей не наділена особистою

самостійністю в прийнятті рішень, які торкаються їх життя».

«В будь-якому суспільстві перед молодими людьми стоїть проблема вибору сфери трудової діяльності, вибору професії».

«У всіх суспільствах молоді люди вирішують проблему своїх життєвих планів, проблему морального і духовного самовизначення...»

«У всіх суспільствах молоді люди вирішують проблему вибору супутника життя, питання про те, скільки мати в сім'ї дітей».

«Молодь має подвійну природу, тобто виступає одночасно як психологічне і соціальне, що визначає зв'язок її психофізичного і соціального розвитку».

«Молодь - явище конкретно-історичне. Це означає, що кількість визначень молоді може бути стільки, скільки є конкретних суспільств, кожне із яких виводиться із загального визначення молоді і в той же час служить базою для конкретизації цього визначення».

«Молодь – це носій величезного інтелектуального потенціалу, особливих здібностей до творчості».

«Соціальний статус молоді у всіх конкретних суспільствах і у всі часи в головному однаковий: молодь одночасно об'єкт і суб'єкт соціалізації». «Молодь як поняття - це абстракція. Молодь як реальне явище - це частина населення, маса, сукупність індивідів... Молодь набуває суб'єктивності в міру самоідентифікації, самоусвідомлення своїх інтересів, зростання своєї організованості».

«З поняттям «молодь» сьогодні в прямому зв'язку знаходиться поняття «майбутнє».

Сміт Е. Національна ідентичність / Е. Сміт. – К. : Основа, 1994. – С. 17-

24

ЕЛЕМЕНТИ «НАЦІОНАЛЬНОЇ» ІДЕНТИЧНОСТІ

Один вид колективної ідентичності, такий важливий і поширений сьогодні, майже не згаданий у Софоклових фіванських п'єсах. Хоч у їхній основі часом лежить конфлікт між містами, вони ніколи не порушують питання «національної» ідентичності. Едіпові ідентичності розмаїті, але статус «чужинця» (тобто негрека) не

становить жодної з них. Колективні конфлікти — це здебільшого війни між грецькими містами-державами та їхніми володарями. Хіба це, фактично, не від стану Стародавньої Греції V ст. до н. е.?

Фрідріх Майнеке перший став розрізняти (1908 р.) *Kulturnation*, переважно пасивну культурну спільноту, і *Staatsnation*, активну, самовизначальну політичну націю. Можна не погоджуватись із його вживанням цих термінів, можна не визнавати й самих термінів, але саме розмежування слушне й доречне. З погляду політики в Стародавній Греції «нації» не було, існувала лише сукупність міст-**/18/**держав, і кожне ретельно дбало про свій суверенітет. Зате з погляду культури існувала стародавня грецька спільнота – Еллада, - що її можна було ввести, як, приміром, учинив Перікл, у царину політики — здебільшого задля афінських цілей. Іншими словами, можна вести мову про грецьку культурну та етнічну спільноту, та аж ніяк не про «націю» стародавніх греків ¹².

З цього випливає, що, хай там як, те, що ми розуміємо під «національною» ідентичністю, обіймає ще й певне чуття політичної спільноти, нехай навіть не дуже виразне. Своєю чергою політична спільнота означає принаймні якісь спільні інституції і єдиний кодекс прав та обов'язків для всіх членів спільноти. Вона потребує також визначеного соціального простору, добре демаркованої обмеженої території, з якою члени спільноти ототожнюють себе і до якої відчують свою належність. Це майже те, що мали на увазі філософи, визначивши націю як спільноту людей, що коряться тим самим законам та інституціям у межах даної території ¹³.

Це, звичайно, специфічно західне уявлення про націю. Але саме західний досвід справив могутній, ба навіть головний вплив на наше уявлення про одиницю, яку ми називаємо «нацією». Новий вид політичного об'єднання - раціональна держава - і новий вид спільноти - територіальна нація - виникли спершу на Заході в тісному зв'язку одна з одною. Вони наклали свій відбиток на всі наступні незахідні уявлення, навіть коли ті відхилялись від їхніх норм.

Варто докладніше придивитись до цієї західної, або «громадянської», моделі нації. Передусім це здебільшого просторове або територіальне уявлення. Згідно з

цим поглядом, нації повинні володіти компактними, чітко визначеними територіями. Народ і територія мають, так би мовити, належати одне одному, як-от, приміром, давні голландці вважали, ніби їх породило відкрите море і вони виковують (у буквальному розумінні слова) землю, якою володіють і яку обернули на свою власність. Але земля, про яку йдеться, не може бути просто де-небудь, це не перший-ліпший клаптик суходолу. Вона є і повинна бути «історичною» землею, «рідним краєм», «колискою» нашого народу, навіть якщо й не землею первісного походження, як-от у випадку з турками. «Історична земля» — це така, де місцевість і народ чинили взаємний і сприятливий вплив упродовж низки поколінь. Рідний край стає скарбницею історичної пам'яті та асоціацій, місцем, де жили, працювали, молились і боролися «наші» мудреці, святі й герої. Все це робить рідний /19/ край унікальним. Його річки, узбережжя, озера, гори й міста стають «священними» — місцями шаноби й захоплення, внутрішнє значення яких під силу збагнути тільки втаємниченим, тобто свідомим членам нації. Ресурси тієї землі теж стають винятковою власністю народу; «чужинці» не мають права використовувати та експлуатувати їх. Національна територія має стати самодостатньою. Автаркія — це не лише захист священного рідного краю, а й захист економічних інтересів ¹⁴.

Другим елементом є ідея *patria*, батьківщини, сукупності законів та інституцій з єдиною політичною волею. Вона потребує принаймні кількох спільних регулювальних інституцій, які виражатимуть спільні політичні почування та цілі. Часом батьківщина й справді виражена через високоцентралізовані та унітарні інституції й закони, як-от у постреволюційній Франції, хоча навіть там різні регіони зберігали свої локальні ідентичності аж до початку ХХ ст. З іншого боку, ми бачимо союзи окремих колоній, провінцій та міст-держав, чиї федеральні інституції й закони мають як боронити локальні та провінційні свободи, так і виражати спільну волю й спільні політичні почування. Добре удокументованими прикладами таких національних союзів є Сполучені Штати Америки та Сполучені Провінції Нідерландів. Адже первісною метою Утрехтської унії 1579 р. та нідерландських Генеральних штатів був здебільшого захист давніх свобод і привілеїв об'єднаних провінцій, так жорстоко споневажених унаслідок централізаційної політики

Габсбургів за Карла V і Філіппа II. Проте жорстокість затяжної війни з Іспанією породила чуття спільної мети та ідентичності (цілком незалежно від впливу кальвіністів), що виявились у розвитку, хоч і незавершеному, голландської національної політичної спільноти ¹⁶.

Можна помітити, що разом із розвитком чуття правової та політичної спільноти з'являється й чуття юридичної рівності серед членів цієї спільноти. Її повним виявом є розмаїті різновиди «громадянства», визначені соціологами, зокрема громадянські та юридичні права, політичні права та обов'язки і соціоекономічні права. Згідно з західною концепцією, саме юридичні й політичні права становлять найсуттєвіший елемент західної моделі нації. З цього випливає мінімум взаємних прав та обов'язків членів нації і відповідне ненадання цих прав та обов'язків чужинцям. Випливає також і спільний кодекс законів, що стоять над місцевими законами, та інституції, що утверджують їх, суди останньої /20/ інстанції тощо. Не менш важливим є визнання, що в принципі всі члени нації юридично рівні, і навіть багатії й можновладці коряться законам батьківщини.

І, нарешті, юридична рівність членів політичної спільноти на їхній демаркованій батьківщині начебто вимагає і певної системи вартостей і традицій - спільних для всього населення або принаймні для його «серцевинної» спільноти. Іншими словами, нації повинні мати певну систему спільної культури та громадянської ідеології, низку спільних порозумінь і сподівань, почуттів та ідей, що пов'язують населення з його рідним краєм. Завдання створити спільну громадську, масову культуру було доручене інститутам народного згуртування, надто державній системі освіти й засобам масової інформації. Відповідно до західної моделі національної ідентичності, нації розглядають як культурні спільноти, члени яких об'єднані, якщо не тісно згуртовані, спільною історичною пам'яттю, міфами, символами і традиціями. Навіть там, де держава дозволяє існувати новим іммігрантським спільнотам із властивою їм історичною культурою, минає кілька поколінь, перше ніж нащадків іммігрантів допустять (наскільки взагалі допускають) до кола «нації» та її історичної культури через національні інститути гуртування мас ¹⁶.

Історична територія, політико-юридична спільнота, політико-юридична рівність членів, спільна громадянська культура та ідеологія - ось компоненти стандартної західної моделі нації. З огляду на вплив Заходу на сучасний світ вони зостаються суттєвими елементами, хоч і в трохи зміненій формі, багатьох незахідних концепцій національної ідентичності. Водночас за межами Заходу, зокрема в Східній Європі та в Азії, сформувалась інша модель нації. З погляду історії вона становила виклик перевазі західної моделі й додала чимало нових важливих елементів, більш відповідних зовсім іншим обставинам та шляхам розвитку незахідних спільнот.

Цю незахідну модель можна назвати «етнічною» концепцією нації. Її визначальною рисою є наголос на спільності походження й рідної культури. Тоді як західна концепція проголошує, що індивід має належати до певної нації, але може вибрати, до якої саме приєднуватись, незахідна, або етнічна, концепція не припускає такої широти поглядів. Чи то людина зоставатиметься у своїй спільноті, чи то емігрує до іншої, вона завжди неминуче й органічно залишатиметься членом спільноти, в якій народилась, і довіку нестиме на /21/ собі її печать. Одне слово, нація - це передусім спільнота людей, об'єднаних спільним походженням.

Етнічна модель теж має низку граней. Першу з них вочевидь становить наголос не так на території, як на походженні чи радше нібито походженні. Націю розглядають як якусь «надродину», що, аби обґрунтувати свої претензії, пишається родоводами та генеалогіями, часто вибудовуваними місцевими інтелектуалами, зокрема в східноєвропейських та середньосхідних країнах. Суть цієї концепції в тому, що нація може простежити своє коріння до якогось умовного спільного предка і через те її члени - це брати й сестри або принаймні родичі, що відрізняються від решти людства своєю кривною спорідненістю.

Такий наголос на нібито родинних зв'язках допомагає пояснити сильний народний, або демотичний, елемент в етнічній концепції нації. «Народ», звісно, фігурує і в західній моделі, але тут його трактують як політичну спільноту, що підлягає одним законам та інституціям. В етнічній моделі народ, навіть коли його насправді й не мобілізували для політичних дій, усе-таки становить об'єкт

націоналістичних сподівань і риторичний суд останньої інстанції. Проводирі можуть виправдати свої дії та об'єднати окремі групи і класи, тільки покликаючись на «волю народу», і через те етнічна концепція вочевидь стає більш «міжкласовою» та «популістською» за тоном, навіть коли інтелігенція не має великого наміру виводити маси на політичну арену. Отже, в етнічній концепції мобілізація народу відіграє важливу якщо не реальну, то моральну й риторичну роль ¹⁷. Те місце, яке має закон у західній громадянській моделі, в етнічній моделі посідає народна культура, здебільшого мова та звичаї. Ось чому лексикографи, філологи та фольклористи відігравали центральну роль на ранніх етапах розвитку націоналізмів у Східній Європі та в Азії. Їхні лінгвістичні та етнографічні дослідження давньої і сучасної культури «простого народу» забезпечили матеріал для проектів створення «майбутньої нації», навіть коли відповідного мовного відродження не спостерігалось. Сприяючи широкому усвідомленню міфів, історії та мовних традицій спільноти, інтелігенти спромоглися заснувати і викристалізувати в головах більшості членів спільноти ідею етнічної нації, навіть коли, як-от в Ірландії і в Норвегії, давня мова занепала ¹⁸.

Генеалогії і нібито спільне походження, мобілізація народу, рідна мова, звичаї і традиції - ось елементи/22/ альтернативної, етнічної концепції нації, концепції, яка відображує зовсім інший шлях «формування націй», пройдений багатьма спільнотами в Східній Європі і Азії, й становить сильний політичний виклик. Це, як ми побачимо далі, виклик, що й донині повторюється в багатьох місцях світу, відбиваючи глибокий дуалізм, який лежить в основі всякого націоналізму. Адже, по суті, кожен націоналізм містить громадянські та етнічні елементи в різних пропорціях і формах. Часом переважають громадянсько-територіальні елементи, часом сильніше наголошують на етнічних та народнокультурних елементах. Наприклад, за якобінців французький націоналізм мав суто громадянсько-територіальну природу, він проголошував єдність республіканської patrie, вітчизни, і братерство її громадян у політико-юридичній спільноті. Водночас виник і мовний націоналізм, відбиваючи гордощі за чистоту та цивілізаційну місію панівної французької культури, проповідувану Барером та

абатом Грегуаром. На початку XIX ст. французький культурний націоналізм став відображати більш етнічні концепції нації - чи то франкську, чи то галльську; згодом ці концепції стали своєрідними потверджувальними грамотами для радикально відмінних ідеалів Франції. Клерикально-монархічне право вкрай добре припасувалось до генеалогічних та народнокультурних концепцій «органічної» нації, що протиставлялися республіканській територіально-громадянській моделі, надто в часи справи Дрейфуса ¹⁹.

Проте навіть під час найзапекліших конфліктів, що віддзеркалювали боротьбу протилежних моделей нації, певні фундаментальні принципи пов'язували обидві партії, надаючи їм спільного націоналістичного забарвлення. В щойно згаданому прикладі з Францією і республіканці, і монархісти погоджувались з ідеєю «природної» та історичної території Франції (сукупно з Ельзасом). Так само й не було насправді ніяких суперечок щодо потреби прищеплювати національні ідеали та історію через масову державну систему освіти, незгоду породжував лише її зміст (надто католицький складник). Відданість французькій мові теж мала загальне визнання. Ніхто навіть не сумнівався в неповторності Франції та французів; розбіжності виникали лише з приводу історичного змісту тієї унікальності, а звідси й науки, яку слід переймати з минулого досвіду.

Тож можна виснувати, що за конкурентними моделями нації стоять певні спільні погляди на те, що, власне, становить націю, відрізняючи її від усіх інших видів колективної /23/ культурної ідентичності. Серед цих поглядів є й думка, що нації - це територіально обмежені сукупності людей, які повинні мати власні батьківщини; що їхнім членам притаманна спільна масова культура, спільні історичні міфи та історична пам'ять; що члени нації мають взаємні юридичні права та обов'язки за умови існування єдиної правової системи; що саме нації властиві поділ праці й система виробництва, які дозволяють членам нації пересуватися в межах своєї території. Існують принципи та вимоги, спільні для всіх націоналістів, і з ними великою мірою погоджуються навіть їхні критики, що потім можуть оплакувати глобальний поділ людства, спричинений тими вимогами, і конфлікти, породжені існуванням таких націй.

Наявність тих спільних тверджень дозволяє нам сформулювати такі найголовніші риси національної ідентичності:

- 1) історична територія, або рідний край;
- 2) спільні міфи та історична пам'ять;
- 3) спільна масова, громадська культура;
- 4) єдині юридичні права та обов'язки для всіх членів;
- 5) спільна економіка з можливістю пересуватись у межах національної території.

Отже, націю можна визначити як ***сукупність людей, що має власну назву, свою історичну територію, спільні міфи та історичну пам'ять, спільну масову, громадську культуру, спільну економіку і єдині юридичні права та обов'язки для всіх членів***²⁰.

Таке тимчасове робоче визначення розкриває всю складність абстрактної природи національної ідентичності. Нація, по суті, привласнює елементи інших видів колективної ідентичності, що зумовлює не лише спосіб, завдяки якому національна ідентичність може поєднуватись з тими іншими різновидами ідентичностей - класовою, релігійною, етнічною, - а й хамелеоноподібні перетворення націоналізму як ідеології на інші ідеології, як-от лібералізм, фашизм, комунізм. Національна ідентичність за самою своєю суттю багатовимірна, її ніколи не можна звести до єдиного елемента - на таке неспроможні навіть окремі націоналістичні фракції, - її не можна легко або швидко прищепити населенню з допомогою штучних засобів.

Таке визначення національної ідентичності, крім того, виразно відокремлює її від будь-якого уявлення про державу. Концепція держави пов'язана лише з державними інституціями, відмінними й незалежними від решти суспільних інституцій; саме їм належить монополія на примус і стягування податків у межах даної території. Натомість нація означає культурні й політичні зв'язки, що об'єднують у єдину політичну спільноту всіх, хто має спільну історичну культуру та батьківщину. Щоправда, не можна заперечити певного взаємоперекривання обох концепцій з огляду на спільний для них зв'язок з історичною територією і (в

демократичних державах) їхнє покликання на суверенітет народу. Та хоча сучасні держави мусять легітимуватись у національній і народній формі як держави окремих націй, їхній зміст і мета зовсім інші ²¹.

Брак відповідності між державою і нацією можна проілюструвати на прикладі «багатонаціональних» держав сьогодення. Адже за оцінкою Уокера Коннора, даною ще на початку 1970-х рр., лише близько 10% держав можуть претендувати на те, що вони такі справді «національні держави» - в тому розумінні, що державні кордони збігаються з межами нації і що все населення держави має спільну єдину етнічну культуру. Попри те, що чимало держав прагнуть стати національними державами в цьому розумінні, вони схильні обмежувати свої претензії на легітимність прагнення політичної єдності і суверенітетом народу, що їм навіть у давно сформованих західних державах загрожують кинути виклик етнічні спільноти в межах тих держав. Такі випадки, а їх немало, унаочнюють ту глибоку прірву, що існує між концепціями держави і нації, прірву, яку стисло схарактеризує розглянутий далі історичний матеріал ²².

НЕЙЛ ДЖ. СМЕЛСЕР (1930) (американський соціолог, представитель еволюційного функціоналізму, систематизатор соціологічної теорії)

СОЦИОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Экономическая наука и социология экономики

Стоит только употребить выражение «социологический анализ экономической жизни», как тотчас же возникает каверзный вопрос: поскольку экономическое поведение уже находится в центре внимания независимой и высокоразвитой дисциплины - экономической науки, то что нового могут сказать социологи об этом виде поведения? Или, если поставить этот вопрос шире, каковы различия между подходами экономиста и социолога к экономической деятельности и экономическим институтам?

Оба эти подхода можно сопоставить друг с другом различными способами.

Во-первых, можно провести сопоставление по изучаемому предмету. Во многих отношениях экономисты и социологи задают разные вопросы об экономическом поведении.

Экономисты интересуются тем, каким образом люди используют свои ограниченные ресурсы для производства, распределения и обмена товаров и услуг в целях потребления. Точнее, они интересуются объяснением общего уровня производства в обществе; его состава по различным видам продукции, скажем ботинкам, пушкам и маслу; различных сочетаний факторов производства - таких, как земля, труд и капитал; а также способов распределения вознаграждений за экономическую деятельность, например заработной платы, ренты и прибыли. Итак, экономическая наука объясняет следующие основные категории: производство, методы организации ресурсов и распределение богатства. Социологи в области экономики иногда тоже интересуются этими вопросами, но они сосредоточивают свое внимание главным образом на других сторонах экономического поведения. Они подходят к нему как к конкретному случаю общего социального поведения. Следовательно, они интересуются изучением экономического поведения как комплексов ролей и социальных организаций. Характеризуя эти роли и организации, они заостряют внимание на шаблонах власти, системах статусов, сетях коммуникаций и неформальных социальных группировках. Короче говоря, социологи интересуются объяснением вариаций в социальной структуре экономической деятельности и вариаций в поведении, связанном с этой социальной структурой.

Во-вторых, сопоставление можно провести по тем силам, которые оказывают воздействие на экономическое поведение. Экономисты признают, что неэкономические переменные - например, принадлежащие к области политики, права и образования - оказывают существенное влияние на экономическую жизнь. Но в своей собственной дисциплине экономисты обычно делают в интересах экономического анализа допущение, что эти влияния остаются постоянными и, таким образом, не изменяют экономических процессов; иными словами, принимается, что вкусы и институты «заданы». Упростив таким образом для себя картину экономической деятельности, экономисты приступают к анализу влияния экономических переменных друг на друга. В частности, они интересуются объяснением уровней производства, цен, зарплаты и т. д., категориями факторов спроса и предложения в рыночном контексте. Социологи же, так сказать, «ослабляют» строгую заданность таких допущений в соотношениях между экономическими и прочими социальными переменными и занимаются подробным объяснением того, каким образом эти различные типы переменных

воздействуют друг на друга. Вот один пример. Экономист, изучающий заработную плату, концентрирует внимание главным образом на тех свойствах рынка, которые оказывают влияние на уровень зарплаты: предложении различных типов специалистов на рынке рабочей силы и спросе на этих специалистов, что в свою очередь обуславливается существующим уровнем техники и спросом на продукцию, производимую этими специалистами. Экономист, особенно если он интересуется, например, инфляцией, может также задаться целью определить воздействие уровня зарплаты на общий уровень цен. Социолог, изучающий то же самое явление заработной платы, вдается в исследование гораздо более широкого круга причин и следствий. Если, скажем, администрация постоянно «мудрит» с уровнем зарплаты, это может привести к усилению неформальных компаний рабочих и склонить их к подрыву авторитета администрации или же может способствовать образованию нового профсоюза либо активизации уже существующего. И те и другие социальные последствия могут затем оказать обратное воздействие и повлиять на уровень заработной платы.

В-третьих, сопоставление подходов можно осуществить по теоретической разработанности соответствующих областей. Поскольку экономисты ограничивают число изучаемых ими переменных и поскольку они имеют возможность количественно выразить большинство своих переменных, они довели свою науку до высокого уровня теоретической сложности. Разработаны весьма отвлеченные и технические модели экономических процессов, причем зачастую они сформулированы в точных математических терминах. Правда, это теоретическое совершенство достигается нередко ценой чрезмерного упрощения экономистами связей между экономическими и прочими социальными переменными. Социолог проблем экономики избегает такого излишнего упрощенчества, делая упор на том, что социальные факторы во всем их многообразии оказывают влияние на экономическую деятельность, а эта последняя влияет на них. Но и социологу тоже приходится расплачиваться за расширение своих теоретических горизонтов: у него меньше, чем у экономиста, возможностей организовать свою более сложную тематику в достаточно строгие теоретические построения. Таковы некоторые из теоретических противоречий между экономической наукой и социологией экономики.

Проведенное мною сопоставление экономической науки и социологии экономики, возможно, создало впечатление, будто социология экономики - это вполне определившаяся

дисциплина, формально организованная, преподаваемая и изучаемая как специальный курс в учебных заведениях. Ничуть не бывало. Социология экономики представляет собой скорее только возникающее перспективное направление исследований. Исследователи, вносящие в него свой вклад, многолики: это и эксперты по трудовым отношениям, и социологи промышленности, и демографы, и экономические антропологи; обучение же в этих областях ведется в рамках социологии труда, социологии досуга, социологии экономического развития и т. д. Однако, несмотря на отсутствие четких организационных форм и многообразие источников, социология экономики последовательно проводит линию на применение социологической теории и социологических исследований к комплексу деятельности, связанной с производством, распределением, обменом и потреблением экономических товаров и услуг.

Американская социология. Перспективы, проблемы, методы: Пер. с англ.
/ Под ред. Т. Парсонса. - М., 1972. - С. 188-191.

Ч. ТИЛЛИ (американский социолог, представитель историко-эмпирической социологии) **ФОРМЫ УРБАНИЗАЦИИ**

В течение первых девяти столетий своего существования на Земле человек обходился без городов. За последние десять тысяч лет он с лихвой наверстал это упущение. С тех пор как где-то между восьмым и третьим тысячелетиями до новой эры на территориях между Босфором и Персидским заливом из оседлого земледелия возник новый тип общины, почти каждое увеличение способностей человечества к коллективным действиям и к освоению окружающего его мира приводило к новым скачкам в росте городов. Безусловно, у этой тенденции были и периоды затишья, и даже периоды обратного действия. Так, тот период европейской истории, который на западе односторонне называют мрачным средневековьем, - лишь один пример деурбанизации. Тем не менее города чаще росли, а не сокращались. Их доля в мировом населении увеличилась невероятно: пять тысяч лет назад она была практически равна нулю, в 100 году до новой эры она составляла менее 1%, в 1800 г. - менее 5% и, по-видимому, более

30 % - в 1965 году. Но больше всего выросло влияние городов друг на друга и на население, проживающее фактически вне городов. Много ли людей может считаться находящимися вне влияния большого города?

Самая высокая из всех волн урбанизации, которые когда-либо видел мир, продолжает захлестывать его и в наши дни. Возникла она где-то в начале XVIII века как совместный продукт многих сложных процессов, из которых можно выделить появление крупномасштабной промышленности и становление национальных государств.

Эти сложные процессы до сих пор изучены недостаточно. Прежде всего перед нами стоят два очень важных вопроса:

1) Обусловлены ли некоторые изменения в образе жизни людей и организации их деятельности просто ростом городов независимо от причин этого роста, будь то промышленное производство, рост государства, международная торговля или что-либо еще? Существует ли единый, всеобъемлющий процесс урбанизации?

2) Не говоря о росте городов в древнем Китае, средневековой Европе и Западной Африке XVI века, можно ли считать, что процесс индустриальной урбанизации, охвативший столь многие районы современного мира, следует общим закономерностям и ведет 'к созданию городов единого типа? Повторят ли развивающиеся страны историю урбанизации стран, которые уже стали индустриализированными?

На эти вопросы напрашиваются такие ответы: во-первых, этого никто толком не знает. Во-вторых, если рассматривать конкретные аспекты городской организации, оказывается, что ни единого всеобъемлющего процесса урбанизации, ни тенденции к возникновению единого типа городов не существует. Весь этот процесс испытывает значительное влияние той причины, которая ведет к росту городов,- индустриализации, расширения торговли, администрирования и т. п. Тем не менее в конечном итоге представляется возможным выделить какие-то общие закономерности, характерные для различных видов урбанизации; все-таки можно найти что-то общее у стран, испытывающих промышленную урбанизацию; в каком-

то смысле во всех частях мира развитие городов движется в одном и том же направлении.

...Положение таково что исследователь урбанизации вынужден извлекать закономерности этого процесса из таких источников, как страдающие неполнотой исторические хроники, хаотичное множество противоречивых статистических данных, клубок собственных субъективных представлений и пестрая, фрагментарная масса исследований конкретных городов, районов, периодов.

Первое, что поражает того, кто начинает работать с этим материалом, - это разнообразие городов и видов урбанизации. Знаменитый антрополог Клод Леви-Стросс рассказывает, что, когда он впервые попал в Северную Америку, он был обескуражен: «Мера человека и мера вещей оказались там настолько иными, что единый шаблон был уже невозможен». Здания, улицы и города были просто слишком большими. В то же время у американцев, приезжающих в Европу, часто складывается противоположное впечатление: даже крупнейшие европейские города кажутся им необычными, переполненными людьми и «тесными».

С одной стороны, этот эффект объясняется простой разницей в масштабах зданий и пространств; с другой - различиями в плотности населения. Даже в США плотность крупнейших городов разнится от 990 человек на квадратный километр в Далласе до 9000 - в Нью-Йорке и 30 000 - на главном нью-йоркском острове Манхэттене. Фактически же диапазон плотности еще больше, так как интенсивность контактов находящихся в городе людей зависит, кроме всего прочего, от количества ежедневных поездок в центр и из центра; от степени освоения человеком вертикального и горизонтального пространства данного города; от объема деятельности, проходящей в общественных местах, а не за «закрытыми дверями», и просто от ритма передвижения по городу. В соответствии с этим будут различными и представления о том или ином городе.

Североамериканские города имеют меньшую плотность, чем аналогичные им по площади города большинства других стран мира. Одна из наиболее важных причин этого состоит в том, что североамериканские города росли вместе с ростом средств передвижения (особенно автомашин), поощрявшим рассеивание населения

и поглощавшим значительную часть центральной части городов. Даже в сравнении с 9000 жителей на квадратный километр в Нью-Йорке обыденное представление о Москве (14 000), Париже (28000), Дели (50000) будет иным. Метро, небоскребы и резко раздвигают границы Нью-Йорка и Москвы вниз и вверх, в то время как такие густонаселенные города, как Дели, Сингапур, Каир, используют лишь поверхность земли. Поэтому-то нынешняя статистика значительно преуменьшает различие в плотности (а отсюда -и в интенсивности движения) на уровне улиц.

Кроме того, статистические данные огрубляют сложное разнообразие плотности населения и в рамках каждого города в отдельности. Обычно плотность достигает своего пика в центре города и падает по мере удаления от него, концентрируясь вдоль транспортных магистралей, пульсируя вместе с суточным ритмом города и сходя на нет в районах пустырей и заброшенных участков.

Далее, сама форма плотности зависит от типа города: новые районы на периферии южноамериканских городов заселены более плотно, чем подобные районы аналогичных североамериканских городов; в компактных азиатских городах падение плотности с увеличением расстояния от центра происходит резче, чем в занимающих большие территории американских городах; промышленные города порождают типично центробежные шаблоны плотности и ее 160 колебаний; западноафриканские города разбиты на сравнительно однородные части, каждая из которых населена жителями, отличающимися от жителей других частей по национальному или региональному признаку, причем густонаселенное промышленное и торговое ядро такого города обычно расположено в стороне от его центра.

Наконец, в западных странах современный процесс урбанизации, как правило, идет таким образом, что вначале в самом центре города наблюдается резкое увеличение плотности, а затем, по мере расширения этого города, его центр испытывает длительное падение плотности. Вместе с тем азиатские города, значительно более часто страдающие от недостатка территории, обычно подвержены постоянному увеличению плотности своих центров. Эта разница иногда сказывается в том ощущении неиспользованного пространства, которое

испытывает азиат, попавший в центр американского города

Карты городской плотности похожи на отпечатки пальцев: о них всегда можно сказать, что это именно карты плотности города, они поддаются типологизации в зависимости от типов городов, и в то же время они уникальны, как уникальны конкретности, характерные для данной уникальной общности.

Подобная же смесь уникальности и единообразия наблюдается в шаблонах использования земли или шаблонах местожительства различных слоев населения. Географическое положение каждого города обуславливает присущее ему использование земли и характер жилых массивов. Рио-де-Жанейро заключил в свои объятия живописнейшую гавань Токио растянулся вдоль берега громадного залива. Аристократический Буда - и коммерческий Пешт долго были разделены Дунаем, а затем соединены им же в Будапешт. Но так как в конкретных обществах и в конкретных типах городов развиваются определенные склонности к различным участкам земли и к их стандартному использованию, даже географическая местность может способствовать унификации городов, несмотря на их разнообразие. Так, у расположенных на берегах озер североамериканских городов, например у Торонто, Кливленда, Чикаго, имеется общая структура, выражающаяся в прямолинейности улиц, идущих к порту, в их росте - вначале вдоль берега, а затем под прямыми углами к нему, и в строго регулярном, ранговом движении населения к районам большего престижа, все более удаляющимся от центра.

Что верно для конкретных городов, еще более верно для путей их развития. Разнообразие этих путей огромно. Даже города и районы урбанизации, движущиеся в одном направлении, сохраняют печать своей прошлой истории. Наиболее четко эти следы прошлого видны в топографии: бульвары располагаются вдоль бывших крепостных стен, капитальные здания заменяют замки, а зажатые между домов, искривленные улочки напоминают о тех временах, когда не было автомобилей и люди стремились жить поблизости друг от друга.

Следы прошлого обнаруживают себя и в социальной организации, для которой характерен различного рода дуализм: иногда он выражается в разделении столиц бывших колоний на «старый» и «новый» города, в живучести национальных

и племенных различий, в постоянстве влияния традиционных элит. Если рассматривать формы урбанизации с близкого расстояния, они представляются пестрыми, если немного отойти, эти формы начинают приобретать некоторую упорядоченность, зависящую от основных процессов, стимулирующих рост городов. В наше время массового производства легко представить весь феномен урбанизации как некоторую концентрацию, порожденную якобы современной крупномасштабной промышленностью. Однако вряд ли подобное утверждение можно хотя бы даже назвать смелым. Оно не годится по двум соображениям: во-первых, несомненно, что в прошлом уже были примеры, когда рост городов вызывался не промышленностью, а другими причинами; во-вторых, эти другие причины порождают несколько иные формы городов и шаблоны урбанизации.

Даже при отсутствии резких перемен в промышленности урбанизация так или иначе постоянно стимулировалась такими факторами, как рост торговли, возникновение могущественных империй, расцвет новых религиозных организаций, и даже крупномасштабным и бюрократическим ведением сельского хозяйства. Китай перешел к энергичной индустриализации совсем недавно, тем не менее эта страна на протяжении почти всей истории человечества была одной из наиболее урбанизованных и цивилизованных стран мира.

Урбанистская история Японии не столь длительна, однако и она на несколько веков опережает период роста японской индустрии. После почти двухсотлетнего перерыва Токио вновь стал вторым по величине городом мира. Громадную роль в этом сыграло бурное развитие промышленности, тем не менее первый невероятный скачок в росте Токио (начавшийся через несколько столетий после возникновения города в XVI веке) был вызван его ролью как столицы и центра торговли. Ядром, из которого вырос великий город, был дворец императора. И даже сейчас он скорее, чем какое бы то ни было другое место, является центром водоворота жизни .Токио.

Подобные, доминирующие в городе структуры часто являются индикаторами деятельности, превалировавшей во времена его зарождения: для традиционного японского города это крепость или замок, для старых европейских

городов - собор, для городов первых американских штатов - здание муниципалитета. В зависимости от той деятельности, которая вела к формированию городов, значительно разнятся и их очертания, и их социальная организация. Возьмите средневековый европейский торговый город с его статусом вольного города, управляемого гильдией купцов, с его центром, занятым церковью, и ратушей, и с расположенными поблизости рынком и ярмаркой, к которым ведут извилистые улочки, застроенные жилыми домами вперемежку с лавками. И возьмите затянутый дымом промышленный город XIX века с его доминирующим районом заводов и фабрик и центральным «деловым» районом: с резким отделением дома от работы, с его геометрически правильными транспортными путями и с чудовищными приливами и отливами внутригородского движения. А теперь возьмите традиционный мусульманский город: на пересечении двух из весьма немногочисленных улиц, проходящих через весь город, - крепость, рынок и главная мечеть; кварталы, заложенные как обособленные поселения различных племен и национальностей, зачастую отделенные друг от друга стеной и воспроизводящие в миниатюре все институты города как целого; застройки вперемежку с пустырями и бесконечное вторжение частных лиц на общественные земли; отсутствие формальных институтов муниципального управления; религиозно-интеллектуальная элита; муллы и муфтии, разрешающие споры между жителями города и говорящие от их имени с султаном.

Ни один из подобных видов деятельности нельзя считать единственной причиной возникновения этих городов. Однако свою печать на средневековый город наложила торговля, на город XIX века - массовое производство и на исламские города-государства - институт султаната плюс религия...

Одно из основных измерений современного урбанистического «пространства» лежит между двумя точками: первая точка - это города, организованные вокруг сложной, специализированной (хотя частично и унифицированной) и явно выраженной урбанистской профессиональной структуры; вторая точка - это города, представляющие собой агломерации деревень или деревенских жителей. Все «настоящие» города имеют что-то и от того и от другого:

до сих пор в Париже существуют алжирские кварталы, а в Нью-Йорке - итальянские.... Часто эти формы наиболее остро противостоят друг другу в колониальных городах-форпостах или городах, которые когда-то были таковыми. В них особенно заметно разделение на два района жилых массивов, два рынка, две системы коммуникаций и образа жизни. На одном полюсе находится старый, туземный город, на другом - компаунд, возведенный в XVIII-XIX веках какой-нибудь европейской державой для целей торговли или военного контроля. Сюда относится Каир, город-лабиринт аборигенов в его восточной части и странно похожий на Париж колониальный город в его западной части. Здесь же мы видим довоенный Шанхай с международными кварталами высоких зданий и просторных улиц и с китайскими кварталами беспорядочно наставленных домиков, выглядывающих из-под приземистых крыш. Опять же Дели, распадающийся на Старый Дели и Новый, на традиционный густонаселенный восточный и современный, с невысокой плотностью населения. Поскольку с уходом европейских правителей подобные колониальные центры часто становились национальными столицами, многие развивающиеся нации теперь либо пытаются объединить трудно совместимые части этих городов, либо переносят свои столицы в новые города, строящиеся по единому плану и как единое целое (или хотя бы в города, чей колониальный характер выражен не столь резко).

"...сегодня в большинстве стран мира индустриальная форма урбанизации практически вытесняет все другие ее формы, и потому, что хотя бы по масштабам и темпам индустриальная форма превалирует над всеми другими.

Еще двести лет назад ни в одной стране мира число городского населения не превышало десяти процентов и ни один город не насчитывал более миллиона жителей. В сегодняшней Англии десять процентов - это количество сельских жителей; в одной Италии есть не менее трех-четырёх городов с миллионным населением, а Токио и Нью-Йорк - по некоторым вариантам подсчета - приближаются к двадцати миллионам. Причина этого - индустриализация, которой сопутствовал рост современных национальных государств...

Конечно, не новая техника сама по себе автоматически и безболезненно

создает большие современные города. Почти все индустриализованные страны извлекают большую часть своего оборотного капитала из неохотно расстающегося с ним села...

Борьба города с деревней наблюдается при всех видах урбанизации. Индустриальная урбанизация просто обостряет этот процесс своими невероятными темпами, масштабами, потребностями в капитале и концентрации. Многие общие черты различных форм индустриальной урбанизации, коренятся именно в масштабах, а не каких-либо других качествах процесса, обуславливающего рост городов. Среди других закономерностей, проявляющихся в индустриальной урбанизации, «индустриальное», вероятно, более важно, чем «урбанизация». В ходе этого процесса явно все более сложным становится разделение труда в городах данной страны, резко увеличивается число специалистов в области координации, коммуникации и управления; возрастает роль формальной организации, сильнее дифференцируется использование городского пространства, быстрее ускоряются темпы мобильности - но крайней мере до определенного момента. В индустриальном городе нуклеарная семья, состоящая только из отца, матери и детей, приобретает новую независимость и новое значение по сравнению с кланом, родом и другими более крупными формами родственных групп; доля времени, проводимого людьми в тесных группах друзей, соседей и родственников, уменьшается; безличностные ситуации и безличностные каналы коммуникаций играют все большую роль в повседневной жизни. Хотя эти явления вызывают самые жаркие споры и многочисленные трактовки, высказанные здесь утверждения о них являются, вероятно, справедливыми...

Мы можем сказать следующее: во-первых, развитие городов в беспрецедентных масштабах есть обычный аспект индустриализации. Во-вторых, в ходе индустриализации города в еще большей степени становятся узловыми пунктами координации и управления той деятельностью, которая характерна для всего общества. В-третьих, типичные формы индустриального общества находят свое наиболее полное выражение в больших городах. В-четвертых, города играют особую роль в насаждении индустриального образа жизни как путем привлечения и

ассимиляции представителей традиционного образа жизни, путем накопления и распространения нового в собственных рамках, так и путем передачи нового извне).

Распространение индустриального образа жизни и обмен его различными формами между городами и между городом и деревней стимулируют стандартизацию некоторых ключевых видов деятельности всего общества. Один из примеров такой стандартизации - введение единого расписания прихода на работу и ухода с нее и т. П. Занятость людей и вещей проходит по расписанию...

Еще один пример урбанистической стандартизации - язык. Так, образцовый итальянский язык распространился за последнее столетие по всей Италии из таких городов, как Рим и Флоренция, заменяя бесчисленные диалекты (или по крайней мере сосуществуя с ними), из-за которых лингвистическая карта Италии некогда представляла собой пестрый набор лоскутов. В Африке такие повсеместно принятые для общения языки, как хауса, вначале были племенными языками, затем они стали средством общения для различных племенных групп, населявших крупные города, и, наконец, национальными и межнациональными языками...

Постепенно сельские источники миграции становились все слабее. Тем не менее мобильность оставалась высокой: все большее и большее значение стал приобретать обмен населением между городами. Сейчас три четверти миграционного пополнения американских городов-гигантов происходит за счет жителей других крупных городов и их пригородов.

По мере того как миграция меняет свой характер, уровень транспортных передвижений и корреспонденции как между городами, так и внутри больших городов быстро поднимается. Замещение передачи «репродукций» людей передачей их «оригиналов»-через такие устройства, как телефон и телевидение,- происходит столь неуклонно, что уровень мобильности людей может, чего доброго, даже понизиться, по мере того как будет и дальше возрастать объем коммуникаций. Пока такого понижения ни в одной стране не наблюдается) (а реактивные самолеты, поезда и машины продолжают отсчитывать все большее количество человеко-километров). Тем не менее самым поразительным эффектом индустриального города может в конце концов оказаться его влияние на человеческое поведение.

Вследствие массовой концентрации в индустриальном городе людей, информации и сложных задач он постоянно перегружает существующие средства хранения и коммуникации, последовательно стимулируя, таким образом, изобретение новых средств, начиная с пневмопочты и кончая компьютерами, читающими языковой текст. (За время жизни лишь нескольких поколений индустриальная урбанизация создала новый тип человека, приспособившегося к средствам массовой коммуникации и регулирующего с их помощью многие важные стороны своей жизни...

Индустриальная урбанизация еще довольно долго будет менять лицо мира. Вероятнее всего, мы увидим еще более гигантские города, чем те, которые существуют сейчас. В то же время можно предвидеть и возникновение новой формы территориального размещения людей, а именно тщательно продуманных географически самостоятельных поселений, соединенных между собой молниеносными электроэнергетическими, транспортными и коммуникационными артериями. Лишь весьма немногие страны избегут интенсивной урбанизации, но и здесь формы будут различными.

Очень многое о процессах урбанизации нам еще только предстоит узнать. Тем не менее мы уже знаем, что индустриальная урбанизация привносит в жизнь страны некоторые стандартные изменения, что та основная деятельность, которая стимулирует урбанизацию, серьезно сказывается на характере последней, что в общей теме у каждой страны есть своя вариация...

Урбанизация принимает многие формы. Все они принадлежат человеку.

Американская социология: Перспективы, проблемы, методы: Пер с англ. / Под ред. Т. Парсонса. - М., 1972. -С. 116-133.

Б. БАРБЕР (американский социолог)

СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ. ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Есть один хороший способ составить представление о структуре социальной стратификации западного общества - это рассмотреть ее динамические процессы и

типы ее перемен. Поэтому, кратко охарактеризовав некоторые из ряда различных измерений этой структуры, я бегло обрисую переменны, происходившие в каждом из тех измерений в ходе истории Запада начиная с времен средневековья; далее я покажу, каким образом эти переменны влияли на процессы и тенденции мобильности. Разумеется, всегда существовали и сохраняются до сих пор некоторые национальные различия в этих переменнах, процессах и тенденциях. Но сейчас для меня важно опустить эти различия и сделать упор на преобладающие черты сходства, которые уже имеются в настоящее время и которые будут неуклонно возрастать.

Первым среди ряда равнозначных измерений стратификации которые мы собираемся рассмотреть, является престиж профессий. Во всех обществах мужчина - глава семьи (и своих ближайших родственников) дифференциально оценивается в категориях функционального вклада, вносимого им в общество в «производительных» ролях, которым он посвящает свое более или менее полное рабочее время. Подобные роли всегда различаются по величине их функционального вклада и соответственно дифференциально оцениваются, то есть наделяются различным престижем. В наше время мы называем все такие роли «профессиями», но в прошлом некоторые из этих ролей, например религиозные или военные, могли и не подпадать под такое определение. Однако принцип оставался тем же...

На протяжении последних шести-семи веков в западном обществе произошли коренные изменения в структуре профессионального престижа. В прежние времена военные, землевладельческие, хозяйственные, правительственные и религиозно-официальные роли оценивались несколько выше, чем коммерческие, промышленные, научные, преподавательские и всевозможные прочие профессиональные роли. Это совсем не значит в противоположность тому, как изображает иной раз дело утвердившаяся идеология нашей эпохи, что последние из перечисленных ролей не наделялись вообще никаким престижем. Но в силу того, что они были относительно менее ценимы, люди стремились переместиться сами или поместить своих сыновей в роли первой из упомянутых категорий, как только

им представлялась такая возможность. В наше время последние из упомянутых ролей, как правило, обладают таким же престижем, как и первые. Следовательно, ныне через эти последние роли осуществляется большая социальная мобильность, чем прежде, и лица, получившие такую мобильность, обычно не считают переход в традиционно более престижные роли предпочтительным по сравнению с дальнейшим пребыванием в своих «современных» ролях...

Второе измерение стратификационной структуры состоит в ранжировании по степени власти и могущества. Власть (authority) можно определить как законную способность к достижению целей в социальных системах, а могущество (power) - как ее незаконное подобие. Вполне очевидно, что и то и другое играет функциональную (а при некоторых обстоятельствах и дисфункциональную) роль во всех социальных системах, больших и малых. В любых обществах некоторые роли заключают в себе больше власти или могущества, другие - меньше, в результате чего происходит стратификация их структур.

До самого недавнего времени стратификация власти и могущества в западных странах имела характер остроконечного пика, причем весьма значительная доля и того и другого находилась в руках высшей знати и духовенства... Мобильность в структуре власти и могущества для отдельных представителей буржуазии обычно означала попасть в дворянские роли в индивидуальном качестве, а не объединиться с другими представителями буржуазии как класса, выступающего против дворянства. Однако мало-помалу, а в некоторых местах, например во Франции, и довольно внезапно, все большая доля власти и могущества переносилась из правительственных, клерикальных и землевладельческих ролей в более современные. Кроме того, с постепенным предоставлением права голоса большинству населения в западном обществе власть и могущество подверглись еще более широкому дроблению, причем низшие группы служащих и рабочий класс увеличили свое относительное влияние. Когда большинство людей имеет право голоса и существует демократический, политический и социальный процесс, массы, состоящие из средних и низших слоев населения, могут объединить свои индивидуальные малые доли власти и оказывать общее влияние, достаточно

сильное для того, чтобы по меньшей мере уравнивать влияние высших социальных классов, а порой и брать над ними верх. Этот новый шаблон структуры власти и могущества предоставляет людям в средних и низших слоях общества более широкие возможности для мобильности как в самой этой структуре, так и в других видах стратификационной структуры постольку, поскольку на них оказывает воздействие измерение, касающееся власти и могущества.

Третье измерение стратификационной структуры составляет доход или богатство. Различные профессиональные роли в обществе обладают разной способностью к получению дохода и к накоплению богатства в виде капитала. Столь же различны в силу семейных связей и шансы на получение богатства в наследство.

Иной раз роли, обладающие высоким престижем и властью, например роль папы Римского, способны принести лишь незначительный денежный доход. Иной же раз роли низкого престижа, например роли воров, могут способствовать накоплению больших сумм денег. Происходящая в результате этого стратификация по доходу и богатству может приобрести либо пирамидальную, либо ромбовидную форму, с более или менее выраженными пиками в том и другом случаях. В целом западное общество эволюционирует от более пирамидального к более ромбовидному типу стратификационной структуры по доходу и богатству, хотя даже при новой форме сохраняется значительная пикообразность, пожалуй не меньшая, чем раньше...

Доход и приобретенное либо унаследованное богатство всегда служили средством как для все большего обогащения, так и для приобретения за деньги доступа к более высокооцениваемым ролям, как это имеет место при «покупке» образования, либо аристократических титулов, либо женихов и невест (например, когда дочери богатых родителей выходят замуж за небогатых, но пользующихся престижем аристократов). Таким образом, как в прошлом, так и в настоящем деньги занимали большое место в ряде процессов мобильности. Но не исключена возможность, что в западном обществе значение денег будет уменьшаться по мере того, как доступ к образованию да и к самим высокооцениваемым ролям ставится во

все более прямую зависимость от проявляемых способностей. Возможно, мы эволюционируем в сторону того, что Майкл Янг назвал «меритократией»*, в которой деньги играют очень незначительную роль в процессах социального размещения и мобильности. Причем, как он полушутя-полусерьезно отметил, подобное общество не свободно от своих собственных специфических социальных напряжений и дисфункциональных воздействий.

Четвертое измерение стратификационной структуры - это образование или знание. Люди в обществе всегда пользовались неодинаковым доступом, к образованию и знанию, что имело важные последствия не только для выполнения ими различных ролей, назначенных им с рождения, но также и для их возможностей продвигаться в те из других, зачастую более престижных ролей, для выполнения которых они наилучшим образом приспособлены благодаря своим «природным» талантам. Стратификация образования и знания в западном обществе вплоть до самого последнего времени носила ярко выраженный пирамидальный характер. Только с XIX века всеобщая грамотность стала рассматриваться в качестве социально необходимой и морально желательной цели; и даже сегодня полное равенство возможностей в области получения образования остается, несмотря на весь прогресс, достигнутый в этом направлении, скорее надеждой, чем реальностью... Однако социальные потребности управления высокоспециализированными индустриальными обществами, равно как и введение все более решительных эгалитарных норм, заставляют во все большей степени предоставлять равные возможности в области образования. Опять-таки на социальном горизонте вырисовывается перспектива «меритократии», которая занимает свое место в наиболее престижных и авторитетных частях общества благодаря своему праву на равный доступ к возможностям в области образования и благодаря продемонстрированной ею способности максимально использовать эти возможности.

Религиозная или ритуальная чистота представляет собой пятое измерение стратификационной структуры. В категориях функционально значимых религиозных идей, господствующих в том или ином обществе, люди могут в

большой или меньшей степени обладать высокоценными качествами религиозной или ритуальной чистоты. В индуистском обществе в том, что касается этого измерения стратификационной структуры, существует заметное неравенство, имеющее значительные последствия также и для других стратификационных измерений. В западном же обществе, где христианская вера в идеале нашла выражение в таких принципах, как «братство людей во Христе» и «священство всех верующих», это имело своим важным последствием значительное уменьшение фактического неравенства в данном измерении и даже создание с помощью этой концепции равенства по религиозной и ритуальной чистоте определенной основы для более далеко идущего социального, экономического и политического равенства. В реальной социальной действительности неравенство в других измерениях стратификации, вероятно, постоянно мешало осуществлению христианского идеала полного равенства и религиозной и ритуальной чистоте, причем в прошлом, пожалуй, в большей степени, чем ныне, хотя нам по-прежнему еще далеко до наступления «царствия божия» в этом отношении. Впрочем, идеал христианского и так называемого гражданского равенства (который отчасти уходит своими корнями в христианскую веру) носил радикальный характер и имел далеко идущие последствия для всех измерений стратификационной структуры в американском обществе, особенно за последние 100-200 лет.

Ранжирование по родственным и этническим группам составляет последнее наше измерение стратификационной структуры. Во всех обществах родственные группы - и их продолжения в форме этнических групп - выполняют независимые и существенно важные функции: воспроизводство потомства, социализация детей и обеспечение психологической, социальной и моральной поддержки в отношениях между родителями и детьми, самими родителями, братьями и сестрами и прочими родственниками, составляющими расширенные формы семьи, и этнической группой в целом. Родственные и этнические группы в свете того, каким образом они выполняют эти и другие функции для всего общества и местных сообществ, в которых они живут, оцениваются по-разному, именно как родственные и этнические группы, совершенно отдельно" от их профессионального престижа, степени власти

или могущества, уровня дохода или богатства. В результате этого повсюду, где существует этническая разнородность, происходит стратификация родственных и этнических групп. Эти различия в ранге влияют на самооценку членов конкретных семей и на отношение к ним со стороны других.

В более раннюю эпоху истории западного общества эта дифференцированная оценка родственных и этнических групп не только признавалась, но даже окружалась ореолом в качестве оплота стабильности общества. Однако позднее, по мере того как в западном обществе распространились и утвердились эгалитарные нормы, как в реальной действительности, так и в моральных идеалах возникла известная тенденция к принижению роли родственных и этнических групп. Партикуляристский характер связи с родственными и этническими группами пришел в противоречие с универсалистскими нормами западного общества. Тем не менее необходимые функции родственных и этнических групп сохранились, и их пришлось признать даже перед лицом их несовместимости с полным осуществлением универсалистских норм. Связь с определенными семьями и этническими группами по-прежнему считается достоинством или недостатком как в различных видах социального взаимодействия, так и в сфере возможностей получения доступа к разнообразной социальной мобильности. До тех пор пока функции родственных и этнических групп не будут заменены универсалистскими функциональными альтернативами - а пока ничего подобного не наблюдается, - эти группы будут и впредь дифференциально оцениваться и будет сохраняться определенный шаблон компромисса между этими оценками и требованиями универсалистских норм. Если семья в западном обществе больше и не занимает своего прежнего исключительного положения, она все же по-прежнему пользуется известным почетом и имеет некоторые важные последствия и как собственно стратификационная структура, и как фактор, влияющий на другие стратификационные измерения и процессы.

Не будучи сами по себе независимым измерением стратификационной структуры в том смысле, в каком таковыми являются шесть рассмотренных нами измерений, господствующие в обществе институционализованные нормы

относительно мобильности оказывают важное независимое влияние на объем и степень совершающейся в данном обществе мобильности. Разумеется, другие факторы, такие, как соответствующие структуры возможностей, также являются важными детерминантами...

Как указывалось выше, несмотря на существование христианского идеала - равенства всех людей, господствующим типом нормы относительно социальной мобильности до самого последнего времени была в западном обществе так называемая «кастовая» норма, то есть норма, не одобряющая социальную мобильность. Человек может стремиться к социальной мобильности лично для себя, но на общих основаниях такая мобильность не одобрялась в качестве морального блага для всех. Пожалуй, лишь в прошлом веке произошел сдвиг в сторону преобладания типа нормы, получившей название нормы «открытого класса», которая одобряет мобильность в принципе. Прежний тип нормы опирался на органическую идеологию общества, которая оправдывала не только относительную неподвижность социальной структуры в целом, но и неизменность положения, занимаемого в ней каждым человеком. Тип нормы открытого класса находит оправдание в идеологии, которая отдает предпочтение «изменениям» или «процессу» в обществе и которая утверждает, что индивидуальная мобильность, основывающаяся на заслугах, является как необходимой предпосылкой этого прогресса, так и неотъемлемым правом личности. Тип нормы открытого класса явно представляет собой фактор, способствующий увеличению объема мобильности в новейший период истории западного общества.

То, что в социологическом анализе получило название «стиль жизни», опять-таки является не столько независимым измерением социальной стратификации, сколько индикатором (термин Лазарсфельда) одного или нескольких из этих рассмотренных нами измерений. Иными словами, стиль жизни складывается из таких поступков людей и таких предметов собственности, которые истолковываются ими самими и окружающими как показатели или символы положения, занимаемого ими в той или иной стратификационной структуре. Почти любой вид поведения, или любой предмет собственности, либо предмет роскоши может стать

показателем или составной: частью совокупности показателей стиля жизни, строящегося по классовому типу. Однако легче всего замечаются и чаще всего вызывают разговоры такие предметы потребления, которые бросаются в глаза. Вот почему, говоря о различиях в социально-классовых стилях жизни, американский социолог-экономист Торстейн Веблен употреблял выражение «заметное потребление». В наиболее общем социологическом смысле, применимом ко всем обществам, заметное потребление свойственно любым классам.

В силу пирамидального распределения богатства и относительной дефицитности потребительских товаров в более ранние периоды истории западного общества различия в стилях жизни разных общественных классов носили гораздо более ярко выраженный характер, чем сегодня...

На протяжении последнего столетия, несмотря на возникновение экономики массового потребления, классовые различия в стилях жизни в западном обществе не исчезли, но приняли несколько более тонкую форму, чем раньше. Именно это мы имеем в виду, говоря сегодня о «малозаметном потреблении», под которым мы подразумеваем не полностью незаметное потребление, а лишь относительно менее заметное потребление. Под влиянием эгалитарных норм в наше время большее число людей по сравнению с прошлым пытается по крайней мере немного уменьшить относительную заметность своего потребления, связанного с классовым положением, хотя нам еще далеко до воплощения в жизнь той или иной утопии в этом отношении, ожидаемой или действительной. Вообще же можно утверждать, что заметное потребление или различия в классовых стилях жизни будут в той или иной форме существовать и впредь, но что возникла и сохраняется тенденция в направлении того, что я называю **шаблоном грубого равенства и тонкого неравенства**. Эта тенденция отражает и подкрепляет аналогичные изменения в самих стратификационных структурах. Если и создается впечатление, что теперь исчезли различия по части престижа, власти, дохода или стиля жизни, это впечатление обычно оказывается иллюзорным и рассеивается при более пристальном взгляде на реальную социальную действительность.

Теперь мне хотелось бы более подробно остановиться на изменениях в

объеме и типах мобильности в западном обществе. Социальная мобильность, направленная как вверх, так и вниз, имеет место тогда, когда мужчина - глава семьи (и своих ближайших родственников) занимает более высокое или более низкое положение, чем его отец, в структуре относительных рангов по каким бы то ни было из различных стратификационных измерений. Судя по всему, мобильность вверх и вниз существовала и существует в некотором объеме во всех обществах, и, конечно, в западном обществе на протяжении его длительной истории не было недостатка ни в той, ни в другой. В силу недавно начавшегося расширения структуры возможностей западного общества в последнее время, вероятно, имеет место большая мобильность вверх, чем в более отдаленном прошлом, но это вопрос степени, а не абсолютных различий. Как в прошлом, так и в настоящем мобильность осуществлялась и осуществляется в небольшой степени, иначе говоря, движение вверх или вниз касается лишь немногих рангов во всей шкале рангов любых стратификационных измерений. Впрочем, и в прошлом и в настоящем имел и имеет место также и определенный объем мобильности, осуществляемой в очень большой степени, то есть с самых или почти с самых низов до самой вершины или почти до самой вершины, и наоборот. Произошло ли в настоящее время значительное увеличение объема мобильности, осуществляющейся в высокой степени, это по-прежнему является открытым эмпирическим вопросом. Так или иначе, как в прошлом, так и в настоящем высокая степень мобильности представляет собой явление, затрагивающее сравнительно незначительный процент людей, мобильных хоть в какой-нибудь мере...

На протяжении истории западного общества несколько изменились также и процессы или каналы социальной мобильности. Как мы уже указывали ранее, в последнее время относительно больший объем мобильности, вероятно, осуществляется через более современные профессиональные роли, хотя традиционные роли, скажем религиозные, военные и правительственные, продолжают служить каналами мобильности в модернизированной форме. Для всех ролей константой является возрастающее значение образования в процессах мобильности. По мере того как эгалитарные нормы расширяли равенство в области

доступа к возможностям получения образования, а обществу требовалось все больше и больше высокообразованных людей для укомплектования его изменившейся структуры, системы и процессы образования становились все более важными определяющими факторами социальной мобильности. В результате постоянно выдвигаются все более настойчивые требования расширения системы образования на всех ее уровнях как в наиболее современных странах западного общества, так и в быстро модернизирующихся странах других районов мира.

Нам остается рассмотреть одну, последнюю тему - изменения в форме западных стратификационных структур. Если каждого из мужчин - глав семьи (или своих прямых родственников) в любом обществе подвергнуть измерению по какой-либо из отдельных шкал социальной стратификации, совокупность этих измерений даст в результате распределение относительных рангов, которое можно представить в виде структурной фигуры наподобие того, как гауссовская кривая нормального распределения представляется фигурой колоколообразной формы. По целому ряду причин, связанных с такими вопросами, как потребности социальных систем и распределение талантов у индивидов, занимающих то или иное положение в социальных системах, структуры относительных рангов обладают некоторой - большей или меньшей - степенью иерархии, то есть более или менее крутым заострением к вершине. С учетом факта иерархии двумя основными фигурами, образующимися при распределении стратификационных рангов, являются пирамида и ромб. Эти две фигуры показывают, что всегда имеется меньшинство, занимающее ранги ближе к вершине, - «элита» или совокупность «элит». Однако в пирамидальной фигуре, кроме того, сравнительно немного людей обладают средними рангами, а масса населения находится в низших рангах. В противоположность этому ромбовидная фигура характеризуется пропорционально большим сосредоточением людей в средних рангах, чем в низших, хотя в низших рангах остается достаточное количество лиц, чтобы образовать заострение в нижней части ромбовидной в основе своей фигуры.

...Западное общество проделало эволюцию преимущественно от пирамидального типа структуры в ее различных стратификационных измерениях к

преимущественно ромбовидному типу. По мере развития специализации в разделении труда и повышения средних уровней квалификации и ответственности в различных «производительных» или профессиональных областях в западном обществе "увеличилась доля ролей среднего ранга. Благодаря взаимодействующим процессам социальной эволюции появилось пропорционально большее количество положений среднего ранга в таких стратификационных измерениях, как власть и могущество, доход и богатство. Это обычно и имеют в виду, говоря, что западное общество характеризуется понятием «средний класс», а именно что самый большой процент населения принадлежит по своему рангу к верхней, средней и нижней частям средних слоев, а не к остроконечной верхушке или основанию стратификационных пирамид. Процент людей, принадлежащих к средним рангам, столь велик, что авторы некоторых трудов об обществе, в особенности противники этой недавно возникшей тенденции, ввели в употребление термин «средняя масса». В обществе современного типа, хронологическим и типологическим предтечей которого является западное общество, огромное большинство людей будет принадлежать к средним рангам, и их позиции сплошь и рядом будут символизироваться «белыми воротничками». Мы не хотим этим сказать, что устранены все трудности сравнительной оценки, - далеко нет. Как и всегда, проводятся различия в рангах - своих собственных и окружающих людей, но, когда множество лиц занимают близкие друг другу положения в средних рангах, эти различия носят более детальный и тонкий характер.

Изменение пирамидальной в основе своей фигуры в стратификационных структурах западного общества преимущественно на ромбовидную означало постоянное расширение структур возможностей для лиц, находящихся в низших слоях общества; (По мере того как относительное количество положений в средних рангах продолжало увеличиваться, возрастало в силу этого и число возможностей для социальной мобильности вверх, возможностей, созданных меняющейся формой социальной системы, в отличие от таких возможностей, которые могут быть созданы самими индивидами даже в сравнительно статичном типе стратификационной структуры. В настоящее время, как и в прошлом, существует

некоторая мобильность вниз, но, надо полагать, что сравнительный объем мобильности вверх увеличивается по мере расширения структур возможностей в западном обществе. Так, "расширение происходит в различных странах различными темпами и в различные периоды истории, и, хотя подобное расширение, по-видимому, имеет социологический предел, оно, вероятно, пока будет продолжаться в большинстве районов западного общества. Но основополагающая тенденция остается прежней.

Американская социология. Перспективы, проблемы, методы: Пер. с англ. / Под ред. Т. Парсонса. -М., 1972. - С. 235-247.

МИЛЛЗ Т. М. О СОЦИОЛОГИИ МАЛЫХ ГРУПП

Анализ работы, ведущейся в американских университетах и исследовательских лабораториях, показывает, что многие представители социальных и других наук большое внимание уделяют изучению того, что происходит между людьми, когда они встречаются друг с другом «на ближней дистанции». Это поиск новых подходов к динамике малых групп.

Что же представляют собой малые группы? Нам более известны понятия «индивид», «организация», «институт», «общество», однако между отдельным индивидом и организацией находятся самостоятельные образования, группы, состоящие из двух или более индивидов, входящих друг с другом в целевые контакты и придающих этим контактам особое значение.

...Для чего нужно изучать малые группы, если иметь в виду не только их огромное количество? Необходимость их изучения можно проиллюстрировать на четырех группах примеров.

Первое - это прагматическая сторона. Нам нужно знать, что происходит в малых группах, как потому, что принимаемые, ими решения имеют первостепенное значение для истории сообщностей, так и потому, что их динамика воздействует на образ жизни и быта людей. Мы знаем, что кучка лидеров может принудить свою нацию к определенному курсу действий; что сугубо индивидуальные решения,

принимаемые миллионами семей о деторождении, приводят к демографическому взрыву. Мы знаем также, что группы, окружающие индивида в его повседневной жизни, являются не только источниками уважения, любви и безопасности, но и причиной напряжений, перекрестных давлений, конфликтов и фрустрации. Знание групповой динамики может помочь человеку в его функционировании в группе. Второе - социально-психологическая сторона. Малая группа представляет собой поле столкновения социальных и индивидуальных давлений, под влиянием которых постоянно находится человек. Поэтому контекст группы и является тем благоприятным контекстом, который способствует наблюдению за взаимодействием этих давлений и эксперименту с ними. Научные исследования могут помочь выявить общие законы того, как справляется индивид с проблемами социальной реальности.

Третье - социологическая сторона. Прямая задача здесь - познание малых групп, как таковых, и разработка эмпирически обоснованных теорий динамики этих многомиллиардных переходных систем, подобно тому как задача психологии - формирование рабочих теорий динамики переходных живых организмов.

.Четвертый аспект более претенциозен. Малые группы - это особый случай систем более общего типа: социальных систем. Но они не просто микросистемы. В значительной степени они суть микрокосмы больших обществ. В них представлены в миниатюре многие социетальные черты: разделение труда, система этических символов, правление, способы обмена, иерархия престижа, идеологии, мифы и религиозные традиции. Посредством тщательного изучения этих микросистем можно строить теоретические модели, которые можно будет затем апробировать - подвергая дальнейшей проверке и модификации,- в применении к обществам, менее доступным для непосредственного исследования. Изучение малых групп - это источник эффективных путей умозаключений о социальных системах вообще.

Научный анализ групп - явление, присущее главным образом XX веку. Социологи прошлого столетия по понятным причинам интересовались прежде всего основными историческими тенденциями... Большинство исследований того времени основывалось на дихотомии «изолированный индивид - большая система»... Новая

психология занималась индивидом, новая социология - обществом, как таковым.

Частично реакцией на этот разрыв стали в США работы Чарлза Х. Кули, подчеркивавшие тесную связь между индивидом и группой. Как писал Кули, младенец превращается из дикаря в социальное существо через тесное и продолжительное взаимодействие с той первичной группой, которой является семья. Тесные связи с другими людьми поддерживают индивида в течение всей его жизни, упорядочивая его образ мышления и придавая ему ощущение целенаправленности. Кули отмечал, что представить в гипертрофированном виде границы между индивидом и группой легко; труднее разглядеть связи между ними...

Между тем влияние группы на индивидов стало выявляться экспериментаторами и врачами...

Выводы о том, что влияние группы имеет большое значение, оказались очень важными. Как обнаружил Мэйо, показатели выпуска продукции тесно зависят от сети групповых отношений рабочих. Дело не только в том, что они производят такое количество продукции, которое соответствует стандартам неформальной группы. Их идентификация с компанией, их ощущение себя как частицы более крупной организации зависят от степени близости первичных отношений уважения и общности между доверенными лицами компании и неформальной группой.

Итак, индивид, группа и компания соединены первичными связями. Позднее другие полевые исследования подтвердили плодотворность положений Мэйо.

...Морено стремился изменить социальную организацию рабочей группы, с тем чтобы она более точно соответствовала эмоциональным отношениям среди ее членов. Он изобрел метод, который оказался в социологии чрезвычайно плодотворным. Он просто просил членов группы рассказать ему, как они относятся к своим товарищам, кто им нравится, кто - нет, с кем бы они хотели работать, а с кем - нет. Благодаря этому приему было нащупано важное измерение эмоциональных отношений членов группы. С его помощью оказалось несложным делать графическое изображение и сравнение структуры этих отношений. Исследователи быстро приняли этот метод, и теперь он применяется весьма часто и широко.

Новое направление в исследовании групп было дано Куртом Левином, иммигрировавшим в тридцатые годы в США из Германии. Курт Левин был одним из тех, кто предвидел более интенсивное применение в социальных науках экспериментального метода. По его мнению, социальное поведение закономерно, то есть подчинено определенным законам. Эти законы следует искать через познание поля психологических и социальных сил, которые в данный момент могут оказаться причинами поведения. Наука о группах зависит от локализации и измерения этих сил. Одним из методов такой локализации и измерения может служить создание различных групп с известными характеристиками и изучение их функционирования. Например, можно создать группы с различными типами лидеров, затем проследить поведение этих лидеров и реакции других членов группы, сравнить результаты и таким образом прийти к эмпирически обоснованным выводам о динамическом эффекте стиля лидерства. При помощи подобных простых, но научно обоснованных процедур соответствующие теоретические гипотезы можно подвергнуть проверке в экспериментальной лаборатории.

...После Левина доминирующей, хотя и не единственной, темой экспериментальных исследований стал классический вопрос социальной психологии о влиянии группы на ее отдельного члена.

В начале пятидесятых годов появились концепции более четко выраженного социологического характера. В первую очередь сюда следует отнести работу Бейлза. В тесном сотрудничестве с Парсонсом и Шилзом и под влиянием их концептуальной схемы, представленной в труде «По направлению к общей теории действия», Бейлз разработал социологическую теорию группового взаимодействия, а к ней - методику эмпирического баллирования. Будучи крошечными социальными системами, группы стоят перед проблемой, типичной для любой системы: как адаптироваться к реальностям непосредственно данной ситуации, как достичь групповых целей, как сохранить сплоченность группы и как удовлетворить потребности ее членов. Группа, если она вообще жизнеспособна, должна разрешать эти проблемы. Поскольку взаимодействие между членами группы представляет собой попытку разрешить ту или иную системную проблему, то каждое действие

можно классифицировать в зависимости от проблемы, на разрешение которой оно направлено. Хотя группы и разнятся между собой по культурам, все они стоят перед одним и тем же набором проблем. Соответственно все группы можно классифицировать по их ориентациям на эти проблемы. Применяя стандартный метод классификации взаимодействия к самым разнообразным группам, можно обнаружить универсальные шаблоны их реакций на системные проблемы, включая тенденции, проявляющиеся в процессе непосредственного взаимодействия групп, тенденции членов группы к разделению своего труда, влияния разрешения одной проблемы на усложнение другой.

Важность подхода Бейлза состоит в том, что акцент здесь делается не на влияние группы на своих членов и ситуацию, а на влияние последних на группу. Сами групповые процессы представляются здесь феноменом, требующим своего объяснения. Каким образом такие переменные, как величина группы, личности ее членов, эмоциональные симпатии и т. п., влияют на процесс взаимодействия? Какие законы управляют наблюдаемым нами процессом? Какие законы управляют взаимодействием во всех малых группах? А может быть, эти же законы управляют и всем обществом?

Простота методики Бейлза привела к ее широкому применению в качестве стандартного метода исследования. Она привела также к разработке дополнительных методов, позволяющих баллировать некоторые другие измерения группового процесса, например такие, как содержание бесед, эмоциональная ориентация членов группы по отношению к «другим».

Если теория социальной системы дает абстрактную концепцию групповой динамики, то акцент на процесс позволяет сделать ее подвижной. Эти качества привели как к построению математических моделей группового взаимодействия, так и к моделированию процесса принятия решений в лабораторных условиях и на быстросчетных компьютерах.

Указанные тенденции ведут к систематизации и абстрактным построениям. Однако существуют и другие тенденции, ведущие к более тесному контакту между наукой и конкретными явлениями. Наиболее важным проявлением таких тенденций

было создание групп самоанализа. Цель здесь - изучение самой группой ее динамики через анализ происходящих в ней процессов, то есть эти процессы изучаются не со стороны, а самими членами группы. Исторически подобные группы выросли из концепций «групповой терапии», разработанных Бурроу. Обоснование групповой терапии было предложено им в двадцатые годы. По его мнению, эмоциональные нарушения являются следствием нерешенных проблем, возникающих в сети межличностных отношений. Познание этих проблем достигается с большей эффективностью, если пациент не просто находится в традиционной диаде «врач - пациент», а взаимодействует с целой группой себе подобных. В этом случае искаженное представление пациента о самом себе отражается в восприятии многих людей, выявляя и показывая противоречивый характер его отношений с другими. Умозаключения Бурроу были приняты весьма прохладно, и метод групповой терапии не находил признания вплоть до второй мировой войны. Нужды военного времени, помноженные на нехватку психиатров, дали групповой терапии определенный толчок. Целый ряд врачей, особенно Байон в Англии и Семрад в США, разглядели в ней большие возможности.

Однако практика вскоре показала, что когда пациенты оказываются вместе, они уже не просто представляют собой свое «межличностное прошлое». Собравшись вместе под защитой терапевта, они становятся новой первичной группой с ее собственной символикой и структурой. Члены этой группы склонны дорожить ею, ощущать лояльность по отношению к ней и идентифицироваться с ней. Сложность заключается в том, что если терапевт хочет изучить каждого пациента в отдельности, он должен прежде изучить группу в целом и ее влияние на своих членов. Короче говоря, он должен начать исследовать групповую динамику.

Одним из способов достижения этой цели является создание групп особого типа, способных анализировать самих себя. Семрад вел семинары в Гарвардском университете, на которых студенты - медики и молодые психологи собирались вместе, наблюдая за своим собственным взаимодействием и излагая друг другу свои представления о функционировании группы. Хотя этот способ был довольно простым, вскоре стало очевидно, что подобные группы представляют собой

революционный подход в том смысле, что они являются социальными системами нового порядка. Коллективная цель их членов - познание своего коллективного опыта. Цели, преследуемые другими группами, остаются в стороне, с тем чтобы эта группа была свободна в развитии своего самоосознания, в раскрытии того, что есть «я», а вернее - «мы», когда это «мы» означает «группа». Подобные группы обладают внутренне присущим им потенциалом для самоосознания, для становления самопознающими социальными системами, то есть социальными системами нового порядка.

Эти группы не только привлекают внимание к более латентным явлениям в межличностной ситуации и к потребности в системных методах их оценки; они дают также своим членам непосредственный прагматический опыт, на основании которого члены группы могут оценивать мифы и убеждения здравого смысла относительно групп. Подобное познание вселяет доверие. Подкрепленное другими исследованиями и экспериментами, это доверие привело к значительному: росту попыток более глубокого анализа групп и более широкого применения наших знаний о них...

За свою короткую историю анализ малых групп достиг целого ряда значительных успехов. Во-первых, постепенно решается трихотомия «индивид - группа - общество». Вместо взгляда на человека как на стоящего вне группы и противоборствующего ей, его рассматривают сейчас как находящегося в группе и принадлежащего обществу. Так, солдаты в бою, сражающиеся друг за друга и ищущие друг в друге свою безопасность, - это и они сами, и они как группа, и они же в их идентификации с нацией. Близость индивида и группы становится более очевидной, когда сбор данных не ограничивается классификацией тех элементов, которые являются сугубо индивидуальными (например, внешнее поведение), а включает в себя также такие разделяемые другими элементы, как чувства, мысли, убеждения и ценности. Использование как индивидуальных, так и общих элементов дает нам новую информацию об этих процессах, являющихся как личностными, так и коллективными.

Второе достижение - перенос акцента с анализа влияния группы на анализ

самой группы, на ее внутреннюю динамику. С операциональной точки зрения это означает, что если раньше мы зависели исключительно от замеров, делавшихся до и после группового действия, то теперь перешли к наблюдению и анализу процессов, происходящих во время этого действия. Это достижение идет рука об руку с развитием адекватных методов анализа групповых процессов.

Третье достижение - успешное применение метода эксперимента. Если раньше исследователи брали группы лишь такими, какие они есть, то теперь они формируют их в зависимости от своих целей, создавая между ними экспериментальные различия; это дает возможность эффективной проверки гипотез.

Четвертое достижение - изобретение метода группового самоанализа. Если раньше группы изучались сторонним наблюдателем, то теперь их составляют из людей, действующих одновременно и в качестве участников этих групп, и в качестве наблюдателей, которые обмениваются друг с другом результатами наблюдений и впечатлениями. Собирается новая информация о том, что является значительным и важным для индивидов как членов группы.

Наконец, развивается успех в применении к малым группам общей теории социальных систем.

Социология малых групп слишком молода, чтобы говорить сейчас, куда она может нас вывести, но ее сегодняшние задачи весьма показательны. Она должна разработать методы выявления латентных состояний, имеющих место в группе, таких, как чувства, надежды, неосознанные представления и т. п. Она должна изучить трансформацию долговременных групп от их зарождения до распада. Ей нужно заняться сравнительными исследованиями самых различных культур и выявить такое влияние оказывает культура на групповые процессы. Ей нужно знать, как меняется группа под влиянием самого процесса исследования и эксперимента. И прежде всего ей нужно создать новые теории для применения их к феномену группы, даже если знание этих теорий членами группы и будет оказывать на нее свое влияние.

Американская социология. Перспективы, проблемы, методы: Пер с англ. / Под ред. Т. Парсонса. - М., 1972. - С. 82-92.

БЕЛЛА Р. Социология религии // Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы. – М.: Прогресс, 1972 - С. 266 - 278.

Современные теории религии рассматривают ее либо как ответ на некоторые общие, но неизбежные проблемы смысла, либо как реакцию на определенный тип опыта, прежде всего на опыт предельности, порождающий чувство запредельного, либо как сочетание и того и другого. Опыт смерти, зла и страданий приводит к постановке глубоких вопросов о смысле всего этого, на которые не дают ответа повседневные категории причины и следствия. Религиозные символы предлагают осмысленный контекст, в котором этот опыт может быть объяснен благодаря помещению его в более грандиозную мирозданческую структуру и предоставлению эмоционального утешения, пусть даже это будет утешением самоотреченности. Далее, религиозные символы могут быть использованы для выражения опыта предельности и первоисточника всякого человеческого могущества и разума — опыта, который может возникнуть в момент, когда проблемы смысла достигают наибольшей остроты.

Этим теориям присущ один недостаток: в известном смысле они замкнуты в круге повторений. Может быть, именно религиозно-символические системы обуславливают постановку проблем смысла, которые никогда не встали бы сами по себе. Споры нет, религиозные символы и ритуальные формы нередко вызывали такие состояния психики, которые истолковывались как встречи с божественным. Но по здравом размышлении эта явная трудность помогает нам уяснить важную сторону религии — ее глубоко относительный и рефлексивный характер. Как давным-давно указывал Дюркгейм, в мире нет ничего, что было бы священо само по себе. Священное — это качество, налагаемое на святыню. Для буддиста-махаяниста в каждом кусте дерева, в каждом камне содержится сущность Будды, но ощущает он это только в момент просветления. Святость возникает только тогда, когда имеется та или иная связь с реальностью. Итак, мы неизбежно приходим к заключению, что религия не является всего лишь средством совладать с тоской и отчаянием. Скорее, она представляет собой символическую модель, формирующую человеческий опыт — как познавательный, так и эмоциональный. Религия умеет не

только умерять тоску и отчаяние, но и вызывать их. Этим я вовсе не хочу сказать, будто религия просто-напросто сводится к «функциям» и «дисфункциям», ибо в некоторых контекстах именно создание и усиление напряженности и тревоги придает религии в высшей степени функциональный характер.

Человек — это животное, разрешающее проблемы. Что делать и что думать, когда отказывают другие способы решения проблем, — вот сфера религии. Религия занимается не столько конкретными проблемами, сколько общей проблематикой природы человека, а среди конкретных проблем — такими, которые самым непосредственным образом примыкают к этой общей проблематике, как, например, загадка смерти. Религия имеет дело не столько с опытом конкретных пределов, сколько с предельностью вообще. Таким образом, до известной степени можно считать, что религия основывается на рефлексии второго порядка, более общем и отвлеченном, чем конкретно чувственный опыт. Но из этого отнюдь не следует, что религиозный опыт не может быть конкретным и напряженным; другое дело, что объект этого напряженного опыта выходит за рамки конкретного или лежит вообще за его пределами. Рефлексирующий характер религии, даже самой примитивной, затемняется тенденцией к конкретной символизации и антропоморфизму, которые являются естественными спутниками сильного чувства. Но даже для самого примитивного дикаря область религии — это нечто отличное, хотя и очень близкое, нечто такое, что можно услышать, но нельзя увидеть, а если можно увидеть, то мельком. Передаваемые религиозные символы, кроме того, сообщают нам значения, когда мы не спрашиваем, помогают слышать, когда мы не слушаем, помогают видеть, когда мы не смотрим. Именно эта способность религиозных символов формировать значение и чувство на относительно высоком уровне обобщения, выходящего за пределы конкретных контекстов опыта, придает им такое могущество в человеческой жизни, как личной, так и общественной.

Выше мы постепенно подходили к определению религии как совокупности символических форм, соотносящих человека с конечными условиями его существования. Разумеется, религия вообще существует только как понятие в научном анализе. Нет такой совокупности символических форм, которая выполняла

бы функцию религии для всех людей. Скорее, можно говорить об огромном многообразии форм. Важнейшая задача социологии состоит, пожалуй, в том, чтобы обнаружить и классифицировать эти формы и распознать, какими последствиями с точки зрения действия чревата приверженность им. При решении этой задачи исследование символики и психологии религии должно идти рука об руку с социологическим исследованием, потому что социальные последствия религиозной ориентации можно будет объяснить только после того, как мы поймем символическую структуру религии и ее посредническое действие через отдельных людей.

Одним из измерений для классификации религиозных систем, которое в последнее время обрело новую жизнь после периода забвения, является эволюционное измерение. Много была предложена пятиэтапная классификация, в основу которой я положил степень дифференциации системы религиозных символов. При этом я вовсе не утверждаю, что развитие через пять этапов неизбежно или что более ранние этапы не могут сосуществовать с более поздними в рамках одного и того же общества. Не закрываю я глаза и на великое разнообразие типов, которое обнаруживается на любом из уровней сложности. Наоборот, я всячески подчеркиваю трудности, особенно в том, что касается способности достигнуть в ходе развития высших этапов дифференциации.

Религиозно-символическая система на примитивном уровне характеризуется Леви-Брюлем как «мир мифов» (*le monde mythique*), а Стэннер использует прямой перевод слова австралийских аборигенов, обозначающего это понятие как «мечтание» или сновидение наяву. Последнее — это время вне времени, или, по выражению Стэннера, время, населенное фигурами предков, полужверей-полулюдей. Хотя они нередко приобретают героические черты, наделяются способностями, превышающими способности обычных людей, и считаются прародителями и творцами многих вещей в мире, они, однако, не являются богами — им не приписывается власть над мирозданием, и они не становятся объектом поклонения.

Характерная особенность этого мифического мира состоит в том, что он в очень большой степени связан с деталями реального мира. Мало того, что каждый

клан и каждая местная группа определяются в категориях прародителей рода и мифических событий поселения, буквально каждая гора, каждый камень, каждое дерево получают объяснение в категориях поступков мифических существ. В сновидении наяву предвосхищены все человеческие действия, включая преступления и безумства, где фактическое существование и парадигматические мифы теснейшим мыслимым образом связаны между собой.

Другая характерная особенность, обусловленная этой тягой к конкретной детализации, заключается в текучести организации мифического материала. Австралийцы почти сознательно указывают на текучую, зыбкую структуру мифа, употребляя слово «мечтание». Это словоупотребление не является чисто метафорическим, потому что, как показал Рональд Берндт, людям действительно свойственно погружаться во время культовых церемоний в мечты, в сновидения наяву. Через эти сновидения, мечты они преобразуют культовый символизм для личных душевных целей, но, что еще важнее, их мечты могут привести фактически к перетолкованию мифа, а это в свою очередь вызовет обновление ритуала. Как конкретность, так и текучесть помогают объяснить тесную близость мифического мира и мира реального.

Примитивное религиозное действие характеризуется не богослужением и не жертвоприношением, а лишь идентификацией, «участием», «воплощением». В ритуальных церемониях участники идентифицируются с мифическими существами, которых они представляют. Дистанция между человеком и мифическим существом, и без того незначительная, исчезает вовсе в момент ритуальной церемонии, когда «всегда» становится «сейчас». Нет ни священнослужителей, ни паствы, ни посредствующих ролей, ни зрителей. Все присутствующие включаются в само ритуальное действие и становятся единым целым с мифом.

На примитивном уровне не существует религиозной организации в качестве отдельной социальной структуры. Церковь и общество — одно. Религиозные роли, как правило, слиты с другими ролями, причем преобладает дифференциация по линии возраста, пола или принадлежности к группе родственников. В наиболее примитивных обществах важным критерием для занятия руководящего положения в

церемониальной жизни является возраст. В некоторых племенах имеются специализированные фигуры — шаманы или знахари, но они не выражают собой необходимые черты примитивной религии.

Что касается социальных последствий примитивной религии, то, судя по всему, анализ, осуществленный некогда Дюркгеймом, в основных чертах остается приемлемым и по сей день. Ритуальная жизнь действительно укрепляет солидарность общества и способствует приобщению молодежи к нормам поведения племени. Мы не должны забывать о «новаторских аспектах примитивной религии, о том, что конкретные мифы и ритуалы находятся в процессе постоянного пересмотра и изменения и что перед лицом сурового исторического кризиса может произойти весьма примечательное переосмысление примитивного материала, как о том свидетельствуют так называемые «нативистические» движения. Однако в общем и целом религиозная жизнь служит наиболее сильным подкреплением основного догмата философии австралийских аборигенов, а именно, что жизнь, пользуясь выражением Стэннера, — это «вещь одной возможности». Сама текучесть и зыбкость примитивной религии служит преградой для радикальных нововведений. Примитивная религия дает мало средств для преобразования мира.

Второго этапа, каким является архаическая религия, мы можем коснуться здесь лишь вкратце. Архаическая религия в том смысле, в котором я употребляю эту категорию, включает в себя многие из религий, нередко именуемых примитивными, а именно неолитические религиозные системы значительной части Африки, Полинезии и туземного Нового Света. Она, кроме того, включает в себя религии бронзового века, получившие распространение как в Старом, так и в Новом Свете. Характерная черта архаической религии — возникновение подлинного культа с комплексом богов, жрецов, богослужений, жертвоприношений, а в некоторых случаях и обожествляемой или первосвященнической царской властью. Комплекс мифов и ритуалов, присущих примитивной религии, сохраняется в структуре религии архаической, но систематизируется и разрабатывается он новыми способами.

И примитивному и архаическому этапу присуще монистическое мировоззрение,

хотя взгляд на мир у них несколько различен. Для каждого из них священное и мирское представляют собой разные способы организации единого мироздания. Но с наступлением третьего этапа, названного мною историческим, провозглашается совершенно отличная сфера действительности, имеющая для религиозного человека наивысшую ценность. Все исторические религии в известном смысле трансцендентальны, и все они - по крайней мере латентно - отвергают мир, поскольку сравнительно с высшей ценностью трансцендентального реальный мир обесценивается.

В определенном смысле исторические религии представляют собой огромную «демифологизацию» по сравнению с архаическими. Идея единого бога, у которого нет ни придворных, ни родственников и который является единственным творцом и вседержателем мироздания, идея самостоятельного бытия, идея абсолютной негативности, выходящей за рамки любых оппозиций и разграничений, — все это в громадной степени упрощает разветвленные космологии архаических религий. И все же над каждой исторической религией довлеют исторические обстоятельства ее возникновения. Наряду с трансцендентальными утверждениями каждая из них содержит, так сказать, в подвешенном состоянии элементы архаической космологии. Тем не менее по сравнению с более ранними формами все исторические религии универсалистичны. С точки зрения этих религий человек больше не определяется главным образом в терминах того, к какому племени или клану он принадлежит либо какому конкретному богу он служит, скорее, его определяют как существо, способное спастись. Иначе говоря, впервые оказалось возможным увидеть человека, как такового.

Религиозное действие в исторических религиях является прежде всего действием, необходимым для спасения. Даже в тех случаях, когда элементы ритуала и жертвоприношения по-прежнему занимают важное место, они приобретают новое значение. В примитивной ритуальной церемонии человек приводится в гармонию с природным божественным мирозданием. Его ошибки преодолеваются через посредство символизации как части общей картины мировоззрения. С помощью жертвоприношения человек архаической религии может искупить невыполнение

своих обязанностей перед людьми и богами, он имеет возможность загладить отдельные проступки против веры. Но исторические религии обвиняют человека в гораздо более серьезном пороке, чем грехи, существовавшие в представлении более ранних религий. Согласно буддизму, сама природа человека — это алчность и злоба, от которых он должен стараться полностью избавиться. Для древнееврейских пророков греховность человека коренится не в конкретных дурных поступках, а в его грубом небрежении к богу, причем господу будет угоден только поворот к полнейшему послушанию. В понимании Магомета слово «kafir» означает не «неверный», как мы его обычно переводим, а скорее неблагодарный человек, пренебрегающий божественным состраданием. Только ислам, добровольное подчинение воле господу, может привести его к спасению.

Отчасти по причине высшей ценности спасения и многочисленных опасностей и соблазнов, сбивающих мирян с пути истины, идеалом религиозной жизни в исторических религиях является уход от мирской суеты. Раннехристианское решение, которое в отличие от буддистского допускало полную возможность спасения для мирянина, тем не менее идеализировало в своем представлении об особом состоянии религиозного совершенства религиозное удаление от мира. Фактически критерием благочестивости мирянина считалась степень его приближения к идеалу монашеской жизни.

Исторический этап развития религии характеризуется происходящей в небывалой ранее степени дифференциацией религиозной организации от других форм социальной организации. Хотя лишь немногие из исторических религий достигли той степени дифференциации, которой достигла христианская церковь, все они обрели некоторую независимость от прочих структур, в частности от политической структуры. Это означало, что политическая сфера перестала быть носительницей принципа узаконения самой себя (как узаконивала саму себя божественно-церковная власть бронзового века), так что ее узаконение в какой-то степени зависело от религиозной иерархии. Чем большую степень структурной независимости имела историческая религия, тем больше была вероятность того, что социальные и политические реформистские

движения будут основываться на религиозных ценностях. Во всех случаях исторические религии действительно выдвинули концепции совершенного общества, в течение длительного времени оказывавшие на общества, в которых они существовали, давление в сторону большей реализации ценностей. Однако не следует забывать о том, что в центре интересов исторических религий стояла драма спасения и что они не интересовались социальными переменами как самоцелью. Напротив, эти перемены были им ненавистны, и, когда исторические религии ратовали за реформу, делали они это лишь во имя какого-нибудь предшествовавшего образцового социального строя, возврата к которому и добивались.

Раннесовременная религия, получившая наиболее законченное развитие в протестантской Реформации, но предвосхищенная в ряде других движений, таких, как секта Джодо-шин в Японии, представляет собой определенный сдвиг в сторону посюстороннего мира в качестве главной сферы религиозного действия. Спасение теперь надлежит искать не в той или иной форме ухода из мира, а в гуще мирской деятельности. Разумеется, элементы этого отношения уже с самого начала содержались и в исторических религиях, но в общем и целом институционализированные исторические религии предлагали опосредованное спасение. Для спасения требовалось либо соблюдение религиозного закона, либо участие в сакраментальной системе, либо совершение мистических действий. Все это было в той или иной мере связано с отрешением от мира сего. Далее, в двухступенчатых религиозных системах, характерных для институционализированных исторических религий, группы высшего статуса — христианские монахи, суфийские шейхи или буддийские аскеты — способны силой своих целомудренных поступков и личных достоинств накопить запас благодати, которым они могут затем поделиться с менее достойными. И в этом плане спасение было тоже скорее опосредованным, чем непосредственным. Но с наступлением Реформации весь свет, по словам Макса Вебера, превратился в монастырь. Деятельность в миру, особенно для кальвинистов, стала главным средством прославления господина. Таким образом, не прорываясь за рамки символической структуры исторической религии, раннесовременная религия

сумела переформулировать ее таким образом, чтобы направить дисциплину и энергию религиозной мотивации на дело преобразования светского мира. В случае аскетического протестантства это позволило достичь поразительных результатов не только в области экономики, на которые особо указывал Вебер, но также и в области политики, образования, науки, права и т. д.

С недавних пор, и опять-таки главным образом на Западе, начала ставиться под сомнение символическая структура исторической и раннесовременной религий, религий, особенно космологический дуализм, лежащий в основе каждого из них. Форма религии в постдуалистическом мире не совсем ясна, но такая религия должна принимать во внимание громадный рост человеческого знания, ведущий к релятивизации места человека в природе и вселенной вследствие развития естественной науки и к релятивизации человека в культурном мире вследствие расширения познания об истории и других культурах. Человек не утратил своей склонности задумываться над проблемами, и неустранимые проблемы смысла по-прежнему встают перед ним. Процесс секуляризации влечет за собой не ликвидацию самой религии, а изменение ее структуры и роли. Но мы только начинаем приходить к пониманию этого.

Почти во всех развивающихся странах стимул к различным переменам носил в значительной степени внешний характер, варьируясь от глубокого военного нападения и беспощадного экономического нажима до более тонких и коварных форм идеологической диверсии. Из этого следует, что в большинстве случаев потребность защищаться была более первоочередной и сильной, чем потребность меняться. Однако по логике ситуации получилось, что защищаться, не меняясь, просто невозможно. И вот религия оказалась глубоко вовлеченной в этот процесс нападения, защиты и перемен. Христианские миссионеры сплошь и рядом играли роль ударных отрядов западного влияния, которые шли в лобовую атаку на религиозные и этические убеждения людей, не принадлежавших к западному миру. Даже если бы и не было этого прямого вызова со стороны чужеземной религиозной системы, опыт социальных и личных неудач, столь распространенный на первых порах западного влияния, неизбежно ставил бы проблему собственной

самобытности. В большинстве таких обществ религиозные символы послужили основополагающими шаблонами для осмысления личных и социальных действий. Однако в обстановке кризиса уместность этих унаследованных шаблонов стала проблематичной.

Сначала общая реакция повсеместно носила апологетический и оборонительный характер. Самым категорическим образом провозглашалось превосходство местной традиции — ислама, индуизма или конфуцианства — над христианством и всей западной культурой. Некоторые мусульмане уверяли, что западная наука и философия целиком и полностью берут свое начало в средневековой исламской культуре и что, следовательно, все подлинно ценное на Западе является в действительности порождением ислама. Последователи же индуизма, напротив, утверждали, что ценности Запада сугубо материалистичны и что единственное обиталище подлинной духов — это Индия. Что же касается конфуцианцев, то они высказывали мнение, что Западу понятна наука, но ему не дано понять истину об отношениях между людьми, которая доступна только конфуцианству. Однако эта первоначальная оборонительная позиция никогда не была свободна от стремления к переменам и реформе. Даже в тех случаях, когда отстаиваемые перемены представляли собой возвращение к более раннему, предположительно более чистому состоянию дозападной традиции, цель, подразумеваемая или ясно выраженная, заключалась в том, чтобы содействовать с помощью таких перемен приспособлению к современному миру. Порой мыслящие люди незападных стран, видя неспособность своей традиционной культуры справиться с проблемами современного мира, настолько разочаровывались в ней, что отрекались от веры своих отцов в пользу христианства или какой-нибудь светской западной идеологии. Для всех этих позиций характерно равновесие между необходимостью защищаться и необходимостью приспособливаться. Там, где оборонительная позиция становится абсолютной, отказывала способность приспособляться к ненадежным условиям современного мира. Там же, где адаптация приводила к полному отказу от традиционной культуры, мыслящая личность оказывалась изолированной и отрешенной. Рассмотрим идеальную

ситуацию, когда историческая религиозная традиция преобразуется в раннесовременный тип религии, в максимальной степени способствуя процессу модернизации.

Прежде всего историческая религия должна суметь сформулировать заново свою систему религиозных символов таким образом, чтоб придать смысл культурному творчеству в деятельности посюстороннего мира. Она должна суметь направить мотивацию, дисциплинированную через посредство религиозного обязательства, на занятия этого мира. Она должна способствовать развитию солидарной и интегрированной национальной общности, не стремясь при этом ни подчинить ее своей власти, ни расколоть, хотя это явно не подразумевает санкционирования нации в качестве высшей религиозной цели. Она призвана придать позитивное значение длительному процессу социального развития и найти возможным для себя высоко оценивать его в качестве социальной задачи, причем это опять-таки не подразумевает необходимости принимать сам социальный прогресс за религиозный абсолют. Историческая религия должна содействовать утверждению идеала ответственной и дисциплинированной личности. Применяясь к новому соотношению между религиозным и светским в современном обществе, она должна найти силы для того, чтобы принять свою собственную роль как частной добровольной ассоциации и признать, что это не противоречит ее роли как носительницы высших ценностей общества. Этот перечень требований соответствует, как было указано выше, конструкции идеального типа. Конечно же, ни одна религия исторического типа не преобразовывалась подобным образом, да и вряд ли какая-либо из них смогла бы полностью сделать это. Некоторые религии в силу самого характера их системы религиозных символов скорее погибли бы, чем изменились. Но для успешного осуществления модернизации необходимо, чтобы традиционная религия либо произвела эти преобразования, во всяком случае большую их часть, либо смогла уйти из главных сфер жизни и дать возможность светским идеологиям завершить преобразования.

Вот несколько примеров, иллюстрирующих связанные с этим проблемы и противоречия. В Японии архаический по своему существу, характерный для

бронзового века культ божественного императора сумел эффективно направить мотивацию на мирские сферы жизни и укрепить солидарность и единство. Однако ему не удалось ни выработать добровольных организационных форм, ни подчеркнуть роль самостоятельно ответственной личности. Поэтому его с легкостью извратили, превратив в тридцатые годы и в начале сороковых в то, что некоторые японские ученые называют «фашизмом императорской системы». В Индии Ганди, продолживший дело своих многочисленных предшественников — реформаторов индуизма, показал, каким образом можно совместить этот последний с достоинством всех людей независимо от их профессии и с национальным единством, ломающим кастовые перегородки. Однако его двойственное и глубоко противоречивое отношение ко многим аспектам современного общества и его опасения относительно индустриализации, несомненно, в известной мере увели в сторону от прямого пути процесс развития эффективной раннесовременной формы индуизма. В Турции традиционный ислам был бесцеремонно отброшен ради возвеличения национализма, выдвигающего на первый план доисламскую турецкую культуру. Однако новая идеология сумела завоевать горячую поддержку только среди немногочисленной элиты, тогда как не подвергшийся реформе ислам продолжал безраздельно господствовать в сельских местностях. Наконец, Второй Ватиканский собор свидетельствует о явном сдвиге католической церкви в сторону характерных черт раннесовременной религии, но еще предстоит разрешить чрезвычайно серьезные проблемы, касающиеся власти и традиции. Как бы там ни было, любой из этих случаев нуждается в углубленном социологическом исследовании, которое принесет несравненно более богатые практические и теоретические результаты, чем концентрация внимания на таких весьма узких вопросах, как все более детализируемая типология церквей и сект, которая, судя по всему, является преобладающей темой многих американских исследований в области социологии религии.